

А.Р.Ч.

cancer¹

Посвящается моему будущему раковому заболеванию

Девочка возвращается из школы
подбегает к маме и радостно сообщает:
- Мама-мама, я получила по математике пятёрку!
- Дура. – сокрушённо отвечает мать. – Чего ты радуешься, у тебя же рак.

(анекдот)

Карцинома и сперма

Рак (карцинома) — злокачественная опухоль, возникающая из клеток эпителия кожи, слизистых оболочек и паренхиматозных органов. Иногда термин «рак» используют для обозначения всех злокачественных новообразований. Строение опухоли в значительной степени связано со структурно-функциональными особенностями клеток органа или ткани, из которых она развивается. В большинстве случаев в тканях, соприкасающихся с внешней средой (коже, красной кайме губ, слизистой оболочке полости рта, языка, гортани, пищевода, заднего прохода) и покрытых многослойным плоским эпителием, возникает плоскоклеточный (ороговевающий или неороговевающий) рак. Он может также развиваться и в бронхах в результате метаплазии эпителия. Из эпителия желез исходит железистый рак — аденокарцинома. По степени дифференцировки принято выделять высоко-, умеренно, мало и недифференцированные варианты рака. В зависимости от соотношения паренхимы (особенно опухолевых клеток) и стромы, состоящей из соединительной ткани и сосудов, различают простой рак, когда паренхима и строма находятся в равном соотношении, медуллярный рак, характеризующийся более развитой паренхимой, и скирр, или фиброзный рак с выраженным преобладанием стромы. Клетки опухоли нередко частично сохраняют функциональные особенности той ткани, из которой они возникли в результате неопластической трансформации, в связи с чем опухоль нередко продуцирует различные вещества (например, слизь), часто в значительном количестве. Некоторые раковые опухоли состоят из клеток, напоминающих клетки органа на различных этапах

---

¹ канцер (cancer) - рак

его развития, в связи с чем возникли такие термины, как «гипернефрома», «гепатоцеллюлярный рак». Сходство некоторых опухолей с эмбриональными тканями явилось причиной появления термина «эмбриональный рак»

Метастазирование в большинстве случаев происходит лимфогенным путем в регионарные или отдаленные лимфатические узлы, однако нередко наблюдается и гематогенное распространение процесса с появлением метастазов в органах и костях. Отмечается своеобразная тропность при метастазировании опухолей некоторых локализаций к определенным органам и тканям. Так, для рака щитовидной, молочной, предстательной железы, а также почки характерны метастазы в кости скелета, рак легкого нередко метастазирует в надпочечники. Клинические проявления рака зависят главным образом от локализации опухоли, ее биологических особенностей (степени дифференцировки, темпов роста), стадии распространения. Симптоматика различна, однако имеется несколько наиболее часто встречающихся и постоянных признаков. К ним можно отнести «беспричинное» похудание, снижение аппетита или изменение его в отношении некоторых пищевых продуктов, немотивированную слабость, нарушение стула, упорный кашель, изменение тембра голоса, постоянные или преходящие боли в груди или животе, «необъяснимые» повышения температуры тела, неприятные ощущения при глотании или прохождении пищи по пищеводу, анемию, появление крови в кале и моче, уплотнений в молочной железе и выделений из соска, выделений из половых путей, в т.ч. и кровянистых, особенно на фоне менопаузы.

Заподозрить опухоль можно на основании патологических проявлений со стороны других органов и систем. При появлении одного или нескольких из этих симптомов (учитывая пол и возраст пациента) необходимо срочно целенаправленно и углубленно обследовать больного. В некоторых случаях первые клинические признаки рака бывают связаны с метастатическим поражением. Например, первичный рак почки может проявиться патологическим переломом длинной трубчатой кости в области метастаза, возникшим в результате умеренной нагрузки или слабой травмы. Своевременная диагностика рака в значительной мере определяется онкологической настороженностью врача, проводящего первичный прием. Тщательный сбор анамнеза, внимательный осмотр и детальное физикальное обследование позволяют иногда уже и на ранних стадиях заболевания заподозрить наличие рака той или иной локализации и направить пациента на уточняющее диагностическое исследование к соответствующему специалисту или непосредственно в онкологическое учреждение. При этом подтверждающие диагноз цитологическое и гистологическое исследования могут быть произведены амбулаторно. Диагностика должна быть нацелена на выявление ранних стадий заболевания, так называемых малых раков и преинвазивных форм (*carcinoma in situ*). Очень важно помнить о

существовании группы предопухолевых заболеваний, при наличии которых наряду с лечением необходимо динамическое наблюдение за больным, что увеличивает возможность раннего выявления рака. Важным моментом в диагностике, особенно для последующего лечения, является определение стадии процесса в соответствии с принятой классификацией. Лечение рака в зависимости от характера опухоли (локализация, строение опухоли, стадия заболевания) предусматривает использование различных методов. Среди хирургических методов кроме радикальных операций в виде иссечения опухоли или ее удаления вместе с пораженным органом широкое распространение получила деструкция опухоли с помощью низких температур (криодеструкция) или лазерного излучения. Некоторые виды рака чувствительны к действию ионизирующего излучения, при других эффективна химиотерапия. Широкое распространение получило комбинированное лечение с одновременным или последовательным применением различных методов. Так, для закрепления эффекта, а также с целью профилактики метастазов до или после оперативного вмешательства назначают химиотерапию или химиотерапию в сочетании с лучевой терапией. Лечебная тактика определяется индивидуально в зависимости от локализации, форм рака, стадии заболевания и ряда других показателей с учетом наиболее эффективных схем и режимов введения противоопухолевых средств. Прогноз зависит от многих факторов — локализации, стадии, морфологического варианта опухоли, возраста больного. Большое значение для прогноза имеет выявление рака на ранних стадиях его развития, т.к. многие виды рака, например рак кожи, губы, шейки матки, при раннем выявлении и адекватном лечении могут быть полностью излечены. Профилактика рака основывается на тех же принципах, что и профилактика всех злокачественных опухолей.

- тогда как большая часть других вызвана заболеваниями респираторной системы, несчастными случаями и врожденными нарушениями. Как и можно было предположить, частота случаев смерти увеличивается с возрастом, но при этом рак занимает второе место после несчастных случаев среди причин смерти детей. Полвека назад от рака умирал каждый десятый. Сейчас это соотношение приближается к 1:5. Однако это увеличение не является фактическим, а связано преимущественно с использованием антибиотиков, благодаря чему уменьшилось значение инфекционных болезней как одной из основных причин смерти, на долю которых приходится около 1% всех летальных исходов. В развивающихся странах-х-х-х. – Сергей почувствовал, что вот-вот кончит и быстрее задвигал рукой. – Г-где в-весьма ах-х актуальны недостаточность пит-тания. – голос его заметно подрагивал. – Проблемы здравоохранения и нехватка ресурсов в мед-дицинской сфере, г-гораздо более распространены случаи смерти от инфекций и-и-и а-ах

н-недостаточности пи-питания, а-а рак к-как проблема здравоохранения имеет намного меньшее значение, являясь причиной одного из двадцати а-ах случаев смерти. Это различие носит, безусловно, искусственный характер, поскольку ожидаемая продолжительность жизни в этих странах также ниже, и по мере повсеместного увеличения ресурсов можно ожидать и существенного увеличения относительного числа больных ра-а-аком-м-м!!! А-а-а!!! У-у!

Тёплое мутное семя хлынуло ему на халат.

- Кончил, кончил, ух-х-ф-ф-ф. – Сергей смахнул лист со статистикой раковых заболеваний на пол так, словно бы убрал ненужного свидетеля. – Кончил, малышок. Кончил, любимый...

Не пряча торчавший из ширинки багровый член, он ещё налил себе из пробирки медицинского спирта. Бросил в стакан лимонную дольку, что, единственно свежая и жёлто-жирная лежала на усохшей кучке других долек в глубоком треснутом по канту блюде. Спирт моментально сделался мутным и вязким, как молофья. Сергей всякий раз отмечал про себя это педо-сопротивление. И всякий раз возбуждение захватывало его.

- Уф-ф-ф. – выпив, Сергей отворил окно и откинулся в кресле, муторно уставился в стену перед собой.

Он знал.

Он знал, что чудо закончится в течение последующих шестидесятишестидесяти пяти секунд. Яички предательски расслаблялись и оседали в хлопок белья. Ровно час длилось чудо, а сейчас ему неизбежно нужно будет распасться и обнажить перед слегка подёрнутым алкоголем взором Сергея реальность. Болезненную и беспощадную. С всё нарастающим ужасом наблюдал Сергей за тем, как спадая, половая пелена обнажает самую близкую, в чём-то даже родную, но до отвращения опостылевшую санитарскую комнату. Вот, хоть и недавно штукатуренный, но всё равно беспросветно серый пропахший клинической депрессией потолок, вот стены – буквально на глазах превращаются они из красно-бурого преддверия школьницы в плоские грязные пластины розового отлива – в чью обалдевшую голову могла вообще прийти мысль купить обои цвета человеческой кожи!? К шкафчику, словно бы падающей тенью, прямо на глазах! возвращается «врождённая кривизна» и возраст, к шторам – засаленность и запах.

- (за-за). – Сергей мучительно закрыл глаза.

Как тягостно было всякий раз возвращаться в эту реальность. Всякий раз – Сотни. Раз. В день.

Это бала первая мастурбация за сегодняшний день, который у Сергея беспрекословно начинался в шесть утра, даже в воскресенье.

Продлилась она где-то около часа, вторую планировалось закончить к открытию отделения, в девять часов, дальнейшие шли в абсолютно произвольном порядке и были, как правило, не такими

продолжительными, а в некоторых случаях вообще носили случайный характер.

Наконец-то отдышавшись и выждав, когда руки перестанут трястись, Сергей с ритуальной аккуратностью собрал уже успевшую остыть сперму в ладонь, посолил и влил в рот. Влил так, как выпивают утром сырое яйцо – сосредоточенно, конвульсивно подёргивая подбородком, боясь пролить каплю. Облизав пальцы, он вытер руку о халат, с внутренней стороны воротника, чтобы запах не выветрился до следующей мастурбации.

- Число. – мято промямлил он и опустил веки. – Как же хуёво возвращаться в мир...

Пустота.

Обречённость покровителя.

Ночной звон в спичечном коробке.

Побрякивание.

- Убить себя. Срочно. И дело с концом... Чис-ло. – не открывая глаз, снова, но уже выразительно по слогам повторил он, словно заклинание. – Двадцатое... сентября. Машу к операции готовят, какая там у неё стадия – не помню, ну, если операция, то-о-о... значит, месяц ещё, как минимум, выделения из сосков уже начались, вся рубашка кроваво-гнойной коркой покрылась, хотя эти умники грамотно режут, придётся, видимо, потерпеть. Нужно бы им спирт почаще носить – глядишь, сопьются, да перестанут так ладно резать, да так гладко шить. А ещё лучше бы их на ширку посадить – бабла у них хватает – даром что на «рачке» сидят? Подсуечу-ка я им Пашу Мотора или Витяру. Они им там быстро будни разбавят... перваком. – Сергей мечтательно улыбнулся, на секунду представив, что и взаправду может случиться так, что весь раково-операционный корпус «заторчит». Пригрезилось ему, как Веня, вместо метастаз вырежет пациенту ухо, а Петя, вместо наркоза, хотя нет, просто перепутает дозировку, как поплывут из «рачка» трупы горами, с отрезанными ушами, членами, пересаженными на спину грудями и зашитыми ртами. – Что-то я отвлёкся. – Сергей быстро выбросил глупую фантазию из своей головы и принялся за фантазию вполне реальную, доставлявшую ему невысказанное удовольствие – фантазия о медленно умирающих в раковых отделениях больных.

ИХ

ЫХ

ЯХ

ЫХ

- О-о-о-ох. – немо простонал под эту «Х Х Х» музыку он.

Словно бы школьный альбом с чужими, но одновременно полными жизни лицами и причёсками распахнулся и зашелестел сейчас перед его глазами жёлтыми страницами.

– Ирина Игоревна, больная раком головного мозга, или на сленге – «черепушка». – Сергей не без трепета вспомнил измождённое немолодое, но ещё привлекательное лицо больной Шмелёвой, а в миру продавщицы Иры. – Бластома. – с наслаждением произнёс Сергей. – Или blastomata, на латыни, наиболее полно отображает существо процесса. Происходит от греческого глагола бластонеин, что значит расти. – Сергей устало качнул головой. – Рак Г-мозга. Прекрасный рак. Самый прекрасный рак на свете. И болеешь им ты, Ира, продавщица Ира. Ни я, ни мама моя... а ты. И через то я хочу тебя. И жду... Ах, ч-чёрт. – Сергей мысленно шлёпнул себя по лбу ладонью. – Как я мог забыть – её же родственники в Германию увозят. Это ж надо. Совсем из головы вылетело. Хотя-я-я она мне не особо и... Кто ж ещё на подходе? Елена Викторовна, тоже «черепушка» – нет. Скорее всего, её ещё домой отпустят – «ремиссия», вся хуйня, и только к зиме опять положат. Да-аша – солнышко и ФАК-ультативная няша. Но это далёкое солнышко – Ёб. Светлана Васильевна, лейкоплакия влагалища, рыжая и худая – смотрю на неё и плачу от зависти – для неё всё ещё только начинается. Людмила Зыкова, не Люда и даже не Людмила, а Людмила Зыкова, вся под стать фамилии. Грудь, осанка, причёска, не женщина – памятник. Надгробный. – Сергей тихо рассмеялся. – Из явных симптомов пока только тошнота, да всякие там кишечные дела, ну, а зимой тогда уж наверняка-а-а! Просветят её, а там! Как жизнь создаёт жизнь, так и рак создаёт рак. З-О². Злая и самостоятельная сущность. Паразит ценой в жизнь. Рост её происходит исключительно «из себя» путем размножения клеток первичного зачатка, чаще всего в результате размножения одной первичной опухолевой клетки. – с наслаждением процитировал Сергей заветные строки из медицинского справочника, на который ему так часто приходилось мастурбировать, что некоторые абзацы он помнил наизусть. – Такие удовольствия как спазмы, судороги, припадки да заторможенность её ещё только ожидают. Ух, и заждался же я тебя Леночка! Прямо, как ты спазмы. – не в силах сдержаться, Сергей рассмеялся. – Валя, Валечка, Ва-а-аля, даже не желаю знать твоей фамилии. Ты такая скрытная и эмансипированная, что наше общение стало больше походить на сексуальную игру, нежели на светский раут. На седьмом месте среди женщин – ты светишься, мамка. Я знаю, что ты мамка, но не знаю чья. Такая ты скрытная, что я ещё больше хочу тебя трахнуть, чем ту открытую и доступную Дину с миомой. Рак пищевода. Пищевод. Рак. Тромб. Кал. Для меня это музыка, а для тебя... Для тебя – жизнь. Ты вся моя от верхнего края дуги аорты до нижней легочной вены. Гистология пришла вчера в 20-24. Ты ещё не знаешь, что твоя смерть уже вышла далеко за пределы пищевода, она уже живёт для меня в других, не менее вкусных, чем пищевод тканях и органах. Жилистые

---

² Злокачественная опухоль

железы пищевода, аденокарциномы, узлы опухоли, подслизистый слой, периметр пищевода, бифуркация трахеи, непарная и верхняя полая вена, корень легкого, аорта – всё это музыка для меня. – Сергея ощутило трянуло. – Пищевод резко суживается, вплоть до полной непроходимости даже при небольшом размере опухоли. Неделя тебе осталась, цветочек мой ненаглядный, последняя и такая мучительная неделя на Земле. Ну что ж, ждём тебя, Валюша, ждём... Алевтина Ивановна. – успокоившись, он продолжил рассуждать. – Алевтина... свет Ивановна. Т4N3M1 – не женщина – мечта. Наверное, уже на диклофенаке сидит, а это край... ну или, во всяком случае, на краю. Второе место после РПЖ – почти мужик. Алевтина, уротелиальная моя сказка. Пойду в корпус, нужно будет обязательно не забыть глянуть твои анализы. Хотя, а чего тянуть?

Я гляжу на их задницы и твёрдо, как врач, осознаю, что они срут

Сергей, всё так же, не раскрывая глаз, потянулся к телефону.

- Саныч, доб день.

- И тебе, Серёжа. – затрещало в ответ в перетянутой голубой изолентой трубке.

- Не отвлекаю?

- Нет. Собираюсь истории пролабить. Я ж в отпуск ухожу с 22-ого.

- А-а... – Сергей переложил трубку в другую руку и уселся поудобнее. – Ну, поздравляю. А Толя хоть не в отпуске?

- В конце октября пойдёт. За меня остаётся. Ты будешь сегодня в клинике? А хотя, чего я спрашиваю. – в трубке послышался доброжелательный смех.

Сергей улыбнулся.

- Зайду сегодня. Если до обеда никого ни привезут. А-а-а, Евгений Александрович, я чего звоню...

- За пациентов моих всё переживаешь? – перебил его Евгений Александрович.

- Ну... себя уже не переделаешь.

- Хороший ты парень Серёга. – тепло скрипело в трубке. – Нельзя тебе в этом гиблом месте работать – головкой можешь тронуться. Не знал бы тебя с института... Ну, да ладно. Тут, прикинь, с Ермолаевым на днях разговорились. Он обратил внимание, что ты часто с нашими больными общаешься. Я ему, ничтоже не сумявшись, даже с гордостью говорю, Сергей у нас, дескать, человек отзывчивый, да и одинокий, чего скрывать, - сопереживает больным людям, облегчить желает им последние денёчки на Земле. Каждому б врачу такое сердце, как у нашего Серёжи.

- Ага. – со слабо скрываемым нетерпением закивал Сергей. – Евг... – попытался закончить затянувшийся разговор он, но тот его словно не слышал.

- А он и выдал: Серёжа ваш, просто за кошелёк свой печётся. Ему ведь что – чем больше помрёт, тем больше денег перепадёт. Представляешь. А я ему: - Арон Павлович, какой у Сергея кошелёк – всю жизнь бессребреником. Он вон квартиру свою продал, что б сестре двоюродной, которую, кстати, десять лет не видел, адвоката нанять. Она человека на машине убила. Ну, там сложная была ситуация. Он, я говорю, в морге своём месяцами сидит, даже в магазин не ходит. Ну, он понятно так сощурился.

- Еврей, что вы хотите.

- М-да. Так за кого ты хотел узнать?

- Богданович.

- Алевтина Ивановна?

- Да, Алевтина.

- Ну что тебе сказать... – Евгений Александрович напряжённо замолчал. – Сходи к ней. Там уже... ну, в общем, ты понял.

Сергей выдержал паузу.

- Она в палате? – потерянном голосом произнёс он.

- Нет. Уже в поточную перевели.

- Понял.

К тому времени санитарская уже окончательно утратила власть половой пелены, фатально трансформировавшись в холодное медицинское чудовище.

- Чудовище...

- А? Что ты сказал?..

Сергею вдруг вспомнилось, как этот «добрый человек» Евгений Александрович, правда, будучи в подпитии, сотворил непоправимое. И хоть это и произошло уже лет восемь как назад, но оставило в сердце Сергея ничем не рассасываемый шрам. Так совпало, что они с Евгением Александровичем шли одним тёплым весенним вечером на автобусную остановку с какой-то мед гулянки. Погода стояла превосходная, в воздухе пахло праздником и свежестью.

- Гляди. – сказал тогда Евгений Александрович заплетающимся языком, указав на шедшую впереди парочку – молодая мама с дочерью. – Как ты думаешь, чем отличаются эти два живых существа?

- М-м-м, н-не знаю. Может, возрастом.

- Возрастом, весом, размером обуви, объёмом черепной коробки? Давлением в ней... это да-а-а-а. – многозначительно протянул он тогда. – Но это всё параметры, понимаешь. А ещё? – он испытующе уставился на Сергея масляными глазами, и, зацепившись носком ботинка о выбоину в асфальте, повис у того на плече.

- ?

- А я вот первым делом гляжу на их задницы. Вот посмотри. – Евгений Александрович осоловело указал, куда именно смотреть.

Сергей оглядел их мерно работающие большие ягодичные мышцы: мама – джинсовая плотно обтягивающая бёдра мини юбка с карманами, дочь – неопределённого материала, короткая, из-под юбки виднелись изумрудного оттенка лосины.

- Ну?

- ? – пожал плечами тогда Сергей.

- Ладно, вижу, ты вообще не в теме. – Евгений Александрович надолго замолчал, он явно потерял свою пьяную мысль. – Да. – наконец изрёк он. – Я гляжу на их задницы и твёрдо, как врач, осознаю, что они срут. Элементарная врачебная осведомлённость не позволяет мне думать иначе. И я вот задаю себе вопрос. Так чем тогда отличается одна представленная особь, например, та, что слева, от другой, той, что справа?

- Одна родившая, а другая родившаяся. – неопределённо пожал плечами Сергей.

- Как ты живёшь, Серёжа, не понимаю. – Евгений Александрович раздражённо дёрнулся. – Ну, это же элементарно. Та, что слева – ебётся, а та, что справа, ещё пока нет.

Сергей был так обескуражен дикости полученной сейчас информации, что не стал тогда спорить с Евгением Александровичем, но уяснил для себя, что тот прост, как африканский абориген и гадок, как первый асфальт.

Страшный человек Женя, подумалось Сергею, и он аж привстал с кресла от неожиданности.

Женя. Почему Женя? причём тут Женя? А-а-а, Женя – Евгений. Бесполое или ещё можно сказать биполое имя. Сколько знаю, никогда не называл его Женя, только Евгением Александровичем. И Саша – биполое. Евгений Александрович, мысленно произнёс Сергей имя Чудовища. Ну, в этом нет ничего удивительного, он здорово старше меня, а панибратства я не приветствую. Странно, сам себе сказал Сергей, покрепче прижав плечом трубку, и налив ещё пол стакана спирта, уже восьмой час, а я только сейчас вспомнил о Жене. Пять часов «безжения» и я в нуле. Наверное, так и должна выглядеть любовь.

С Женей Сергей познакомился позапрошлым летом. Как раз на следующий день после того, когда Евгений Александрович превратился для него в (г-а-Ч) гадкий асфальт и Чудовище. Долгие утра ещё просыпался Сергей с пьяным ртом дважды биполого Евгения Александровича, всякий раз повторявшего как заклинание: «Я гляжу на их задницы и твёрдо, как врач, осознаю, что они срут». Евгений Александрович и Женя. Не простым совпадением показалось тогда

Сергею это обстоятельство – потерял уважаемого Евгения и нашёл любимую Женю.

Встреча их произошла в парке. То, что это любовь Сергей определил сразу, с первого позыва. Примерно, как понимают, что пора идти в туалет. Первое, что бросилось тогда в глаза – она чертовски мощно цеплялась за жизнь. Это буквально транслировалось по всем направлениям. В тот день Женя прогуливалась с мужем в парке у «рачка», Ракового корпуса. Они шли рука под руку, молча, словно бы выполняя повинность. Уже тогда она носила парик и имела ни с чем несравнимый фарфоровый блеск лица, характерный лишь смертельно больному человеку.

Это уже сейчас историю её болезни Сергей знает наизусть. А тогда лишь видел глазом опытного охотника – Ей Пиздец! Рак сначала впился ей в печёнку, затем с кровью перебрался в мозг, где обрёл громкое многообещающее имя глиома, а после, к недюжинному негодованию Сергея, на год затих.

Знакомство их оказалось несколько судорожным, если не сказать ошеломляющим. У Сергея даже осталось вполне ощутимое послевкусие. Какое-то детское. Как от случайно попавшей в руки ириски, такой настоящей слегка подтаявшей ириски, которые существовали в детстве и перестали существовать во взрослой жизни. Такое вот неожиданное лобовое столкновение с детством, столкновение настолько разрушительное, что от него всегда хочется увернуться. Так вот похожие чувства испытал Сергей и во время встречи с Женей. Только вот увернуться он не успел. Как не успел и придумать с чего начать разговор, так неожиданно всё произошло. Отчаявшись в доли секунды воскресить в памяти все Карнеги, НЛП, Зеландов и еже с ними, словно душевно больной стал он тогда нести что-то несуразное. Жене с мужем. Что угодно, лишь бы удержаться рядом с ними. Рядом с Женей и её мужем. Зачем-то сразу стал выяснять его имя и место работы. Именно не её, а его. Пельдцер Валерий Геннадьевич. Работает инженером на крупном заводе. Часто бывает в командировках. В командировках! Даже об этой, казалось бы, абсолютно лишней информации для первого разговора, угораздило спросить тогда Сергея. Глупо и стыдно. До сих пор глупо и стыдно.

Хотя... много воды утекло с той встречи. Женя успела слетать за границу, похоронить свекровь, выдать замуж дочь и, хоть и не серьёзно, но разбить машину. Аккурат накануне свадьбы дочери. Сергей был гостем на той свадьбе. Дочь не понравилась ему – полная, показушная – она совершенно не была похожа на породистую, чем-то напоминавшую английскую колли Женю.

А Женя же словно бы почувствовала второе дыхание. Как часто больные принимают дыхание смерти за это самое пресловутое второе дыхание! Скольких эйфоретиков-смертников довелось повстречать

Сергею в больничных двориках. И каких усилий стоило ему сдерживать смех, слушая из уст живого трупа истории из разряда: «Как выздоровею, первым же делом съезжу в Париж, всё продам, а в Париж съезжу» или «Усыновлю ребёнка, нет сразу двух, мальчика и девочку и женюсь, непременно женюсь». Бедолаги, смертью поцелованные бедолаги. Сергей знал, что не сегодня-завтра их ожидают: угасание, остановки дыхания, тёмно коричневая моча, труднопроходимый стул, сонливость, слабость и

Вот

Ты

Уже

В коме

Когда ты в коме, ты привязан к постели, и все твои физиологические потребности, такие как купание, поворачивание, питание и мочеиспускание контролируются кем-то другим. С приближением смерти периоды частого дыхания сменяются периодами бездыханности. Бездыханность смерти. Твоё дыхание становится влажным и застойным. (У-д) Умные дядьки называют это «предсмертным хрипом». Перемены в дыхании обычно случаются, когда ты ослаб, и нормальные выделения из дыхательных путей и легких не могут выходить наружу.

Боже! Как хотелось Сергею всякий раз, глядя в глаза беспросветного «рачка» рассказывать эту информацию. Читать в лицо эту информацию. Сухую, доступную каждому смертному. Читать и видеть, как расширяются их зрачки, превращаются в чёрные блины. Видеть и оргазмировать их страх. Но... но вместо этого Сергею приходилось рассказывать сказки «тысячи и одной ночи», как он их назвал – сказки об исцелившихся больных.

Сергею представилось на миг, что он в парке «рачка», стоит перед четой Пельдцер и рассказывает, рассказывает им о том, как они будут умирать. Сначала Женя, затем – муж-инженер, затем их дети. Дети их.

Сергея тряхнуло на этой мысли.

Как умирать. Они. Будут.

Он представил себе Женину младшую дочь, неприлично позднюю. Миловидную, чёрненькую, несколько аутичную. Сергей стоит перед ней на коленях. Она сидит на унитазе, спущенные трусики цветной гармошкой перетягивают бёдра. Что-то делает. Наверное, какает.

- Расскажите мне о процессе моего ухода отсюда. – вдруг произносит она своим неповторимым мальчишечьим голосом.

Хотя шумное дыхание может быть сигналом для твоих родителей, ты наверняка не будешь чувствовать боли и замечать застоя. Так как жидкость находится глубоко в легких, её трудно оттуда удалить. Твои родители будут поворачивать тебя на другой бок, чтобы выделения выходили изо рта. Также они будут вытирать эти выделения влажной тряпочкой или специальным тампоном, тампоны можно попросить в

центре помощи безнадежно больным или купить в аптеках. Твой врач пропишет тебе кислородную терапию, чтобы облегчить твою одышку. Кислородная терапия улучшит твоё самочувствие, но не продлит жизнь. Ухудшение зрения очень распространено в последние недели жизни. Ты заметишь, что стала плохо видеть. Ты можешь видеть или слышать вещи, которые кроме тебя никто не замечает – галлюцинации. Визуальные галлюцинации – распространенное явление перед смертью. Надеюсь, что в момент смерти рядом с тобой окажутся подкованные люди. Конечно же, не в прямом смысле, подкованные. Отрицание твоих галлюцинаций может тебя расстроить. Ведь ты, даже будучи в коме, всё слышишь и понимаешь. Общее чувство слабости и метаболизма – неотъемлемый атрибут умирания. Ты ещё можешь употреблять маленькие порции еды и жидкости, пока ты активна и способна глотать. Если глотание для тебя уже проблема, жажду можно предотвратить, увлажняя рот влажной тряпочкой или специальным тампоном, можно купить в аптеке, смоченным в воде. Изменения в мочевой и желудочно-кишечной системах красноречивее других говорят о неминуемой смерти. Почки с приближением смерти постепенно прекращают производить мочу. Как результат, твоя моча становится темно-коричневой или темно-красной. Это связано с неспособностью почек как следует фильтровать мочу. В результате моча становится очень концентрированной. Также ее количество уменьшается. Так как аппетит понижается, в кишечнике тоже происходят некоторые изменения. Стул становится более твердым и труднопроходимым, это явление в твоём организме называется констипация. Ты должна сказать папе, чтобы он передал врачу, что кишечные опорожнения происходят реже, чем раз в три дня, или опорожнения доставляют тебе дискомфорт. Медикаменты для смягчения стула могут быть рекомендованы для предотвращения констипации. Также ты можешь использовать клизму для очистки кишечника. Так как ты становишься все более слабой, естественно, что тебе тяжело контролировать мочевой пузырь и кишечник. В твой мочевой пузырь могут поместить мочевой катетер как средство продолжительного дренирования мочи. Также программа помощи безнадежно больным может предоставить туалетную бумагу или нижнее белье, их также можно приобрести в аптеке. С приближением смерти участок мозга, ответственный за регуляцию температуры тела, начинает плохо функционировать. У тебя начнётся такая хуйня – температура тела подскочит до сорока, а через минуту тебе станет холодно. Твои руки и ноги станут очень холодными на ощупь и даже побледнеют и покроются пятнами.

Сергей стал ощупывать её ноги. Ноги худые костлявые, сквозь кожу на менисках и икрах видны фиолетовые и зелёные вены. Покрытую пупырышками кожу украшают бесцветные волосики.

- Что вы делаете, дядя!?

Женина дочь пытается оттолкнуть Сергея, но он обнимает её. Из-за на мгновение раздвинувшихся ног резко запахло калом.

- Вы рассказывайте, но не трогайте меня. – девочка закрыла зловонную щель руками и поглубже уселась в унитаз.

Изменится цвет кожи. Это называют пятнистым поражением кожи. Это очень распространено в последние дни или часы жизни. Папа может контролировать твою температуру, протирая кожу мокрой, слегка теплой тряпочкой или давая тебе такие медикаменты:

Ацетаминофен

Сергей рванул девочку на себя, словно бы выкорчёвывал пень.

Ибупрофен

Он с ещё большей силой рванул Женину дочь на себя.

Напроксен

Они повалились на пол.

Аминь

Многие из этих лекарств доступны в форме ректальных суппозиторий, если тебе уже трудно глотать. Также как и твой организм физически подготавливается к смерти, также и ты должна подготовиться к ней эмоционально и психически. С приближением смерти ты потеряешь интерес к окружающему миру и отдельным деталям повседневной жизни, таким как дата или время. Ты закроешься в себе и станешь меньше общаться с людьми. Возможно, ты захочешь общаться только с несколькими людьми: лучшими подругами или отцом. Такой самоанализ может быть способом прощания со всем, что ты знала. За несколько дней до смерти ты можешь войти в состояние уникальной осознанной осведомленности и общения, которые могут быть неправильно истолкованы твоими родителями и подругами. Ты можешь говорить о том, что тебе надо куда-то пойти – «пойти в школу» или «уйти куда-то». Значение таких разговоров неизвестно, но некоторые люди думают, что такие разговоры помогают подготовиться к смерти.

Сергей придавил отчаянно сопротивляющуюся девочку к полу и потянулся к унитазу. Тот возвышался над ними как гора. Белый. Голубой.

- Нет! – вдруг истошно заверещала девочка. – Что вы делаете? Не смотрите.

Сергей снова рванулся к унитазу. Лоб его коснулся холодного ободка.

- Не смотрите туда, пожалуйста. – взмолилась она, практически повиснув у него на рукаве.

События из твоего недавнего прошлого, например, ты не сделала домашнее задание по природоведению, могут перемешаться с далекими событиями. Ты можешь вспомнить очень давние события в малейших подробностях, но не помнить, что произошло час назад. Ты можешь думать об одноклассниках, которые уже умерли. Ты можешь говорить,

что слышала или видела подругу, которая уже умерла. Твои родители и подруги могут слышать, как ты разговариваешь с умершим одноклассником. Такое странное поведение может расстроить или напугать их. Возможно, им захочется вернуть тебя к реальности. Если такое общение мешает тебе, поговори с врачом, чтобы лучше понять, что происходит. Твой отец может впасть в состояние психоза, и возможно тебе будет страшно это наблюдать. Психоз случается у многих людей перед созерцанием смерти. Он может иметь одну причину или быть результатом нескольких факторов. Причины могут включать медикаменты, такие как морфин, седативные и болеутоляющие средства или прием слишком большой дозы лекарств, которые не сочетаются друг с другом. Перед смертью следи, чтобы твои родители посещали твою аптечку только в твоих интересах. Если всё же они сорвались, это можно предотвратить с помощью альтернативной медицины, такой как техники релаксации и дыхания, и другими методами, которые сокращают потребность в седативных препаратах. Перед смертью ты, скорее всего, задумаешься о духовности. Приближаясь к концу жизни, ты столкнёшься со своими собственными духовными вопросами и проблемами. Связь с религией часто помогает некоторым девочкам достичь комфорта перед смертью. Другие девочки находят успокоение в природе, в социальной работе, укреплении отношений с родителями и подругами или в создании новых отношений. Подумай о том, что может дать тебе покой и поддержку. Какие вопросы тебя волнуют? Обращайся за поддержкой к одноклассникам, родителям, в соответствующие программы и к духовным наставникам. Процесс умирания может стать продуктивным периодом. Тебе, твоим родителям и подругам предоставляется возможность восстановить отношения, поделиться воспоминаниями и попрощаться. Если за тобой ухаживает сестра, ты можешь попросить сделать тебе кунилингус и

Никто

Никогда

Об этом

Не узнает

Также обращайся за помощью к одноклассникам и их друзьям и не забывай заботиться о себе, чтобы избежать физического и морального истощения.

Сергей, изворачиваясь всем телом, вскарабкался на девочку коленями, пяткой заткнул ей рот, дотянулся до края унитаза и взглянул.

В конце жизни можно эффективно справиться с болью и другими симптомами. Поговори с твоим врачом и родителями о симптомах, которые ты испытываешь. Родители являются важной связующей между тобой и твоим доктором. Если ты сама уже не можешь общаться с врачом, это может делать за тебя твой отец. Всегда можно как-то

облегчить твою боль и симптомы, чтобы ты чувствовала себя комфортно.

Ободочек холодный и хрупкий, а Сергей за ним взрослый и ранимый. Заглядывает. Заглядывает. Вот-вот увидит.

Вот Он.

Кашкообразным и бесцветным пятнышком притаился Он в чаше – кал дочери Жени.

Существует много болеутоляющих препаратов. Твой врач выберет самый легкий и атравматичный препарат для облегчения боли. Обычно сначала применяются оральные препараты, это когда в рот, так как их легче принимать и они менее дорогие. Если у тебя не острая боль, болеутоляющие препараты можно покупать без рецепта врача. Это такие препараты, как ацетаминофен и средства нестероидной противовоспалительной терапии, такие как аспирин или ибупрофен.

Светло-коричневым и комковатым сгустком притаился Он в чаше – кал дочери Жени.

Важно «опережать» свою боль и принимать лекарства согласно графику. Иногда боль нельзя контролировать препаратами, которые выдаются без рецепта. В таком случае необходимы более действенные формы лечения. Доктор может прописать такие болеутоляющие препараты, как кодеин, морфин или фентанил. Эти препараты можно совмещать с другими, например с антидепрессантами, что поможет тебе избавиться от боли. Если ты не можешь принимать таблетки, существуют другие формы лечения.

Коричневым и склизким комочком приютился Он в чаше – кал дочери Жени.

Если у тебя уже проблемы с глотанием, ты можешь применять жидкие лекарства. Также лекарства могут быть в форме:

Ректальных суппозиторий. Суппозитории можно принимать, если у тебя проблемы с глотанием или с тошнотой.

Капель под язык. Также как и таблетки нитроглицерина или спреи от сердечной боли, жидкие формы некоторых веществ, таких как морфин или фентанил, могут поглощаться кровеносными сосудами под языком.

Жидким кровавым месивом с элементами плазмы притаился Он в чаше – кал дочери Жени.

Трансдермальные пластыри. Такие пластыри пропускают болеутоляющие лекарства, например фентанил, через кожу.

Крепким умбристым червём с остатками непереваренных костей и шкуроч притаился Он в чаше – кал дочери Жени.

Внутривенных инъекций. Твой доктор может прописать тебе лечение с помощью иглы, которую вводят в вену на руке или на груди, если у тебя очень сильная боль, которую невозможно контролировать оральными, ректальными или трансдермальными способами.

Медикаменты могут вводиться в форме одноразовой инъекции

несколько раз в день, или постоянно в маленьких количествах. Если ты подсоединена к капельнице, это не означает, что твоя активность будет ограничена.

Куском, камнеподобным, сухим и квадратным притаился Он на дне чаши – кал дочери Жени.

Некоторые девочки ходят с маленькими переносными насосами, которые обеспечивают их небольшими порциями лекарства на протяжении дня.

Инъекций в область спинномозговых нервов или под ткань позвоночника. При острой боли сильные болеутоляющие препараты, например морфин или фентанил, вводятся в область позвоночника. Но, даже регулярно принимая лекарства, иногда ты можешь чувствовать сильную боль. Это называют «прорывами боли». Поговори с твоим врачом, какие препараты должны быть всегда под рукой, чтобы справиться с «прорывами боли». И всегда сообщай врачу, если ты прекращаешь принимать лекарство. Внезапное прекращение может вызвать серьезные побочные эффекты и сильную боль. Поговори с врачом о методах утешения боли без применения лекарств. Альтернативная медицинская терапия может помочь некоторым девочкам расслабиться и избавиться от боли.

Возьми же чашу – выпей!

Сергей очень ярко кончил. Кончил мало, почти без спермы. Так часто бывало, когда объектом мастурбации становился абстрактный ребёнок.

Но Женья, вопреки всем прогнозам не вызывала впечатления этого самого бедолаги. Она буквально расцветала на глазах. Тем самым доставляя Сергею жуткие вот уж каламбур, почти раковые мучения.

А ещё этот ужасный, похожий на стволовую клетку муж-инженер, что не отходил от неё ни на секунду.

В тот год Сергей особенно тосковал – появилась, как бы это и не выглядело парадоксально, реальная надежда, что она выздоровеет. Ну, если и не выздоровеет, то уж точно надолго съедет с «рачка». Одна только мысль об этом поселяла в Серёжином мозгу невероятную тоску. Как о не сбывшейся, но настолько близко подобравшейся мечте, что уже даже можно было ощутить её аромат. Аромат близости дара судьбы...

Но время шло. Шло плечом к плечу, как добрый попутчик, обещающий через каждый новый километр награду. И теперь, вот именно теперь она близка к нему. Как никогда. Чутьём хищника понимал это Сергей. Чувствовал её близкую кровь, близкую плоть, близкий аромат её нутра.

Сейчас, сейчас, как никогда.

Сейчас, сейчас...

Евгений Александрович не мог видеть, как улыбнулся сейчас Сергей, как заиграли его глаза

как малёк в дождь

Сергею тут же остро захотелось есть, хотя аппетита не было уже сутки, захотелось напиток чем-нибудь приторно сладким и крепким, одновременно закатиться феназипамом и вскрыться, разбить кому-нибудь голову, сокрушить фонарный столб превратившимся вдруг в жёсть телом... Как солнце играет в момент своего рождения по изумрудной глади пруда, как искрится смертью взорвавшийся зёв атомного реактора, как...

Сергей даже не заметил, как стал размахивать трубкой, словно бы дирижируя.

- Серёжа. Сергей. Серёж.

- А? – пришёл в себя Сергей и снова поднёс к уху трубку.

- Что там у тебя? – треснул по ту сторону знакомый голос.

- А-а-а т-так, н-ничего. – растерялся он, удивившись, как такое огромное количество мыслей могло пронестись в голове за неполную минуту. – Пепельницу со с-стола смахнул, уп-пала в-вот...

- Ты ж не куришь.

- Не курю. – Сергей, словно пойманный на воровстве школьник налился краской. – Д-да... просто стояла...

- Ну ладно. Зайдёшь после обеда, расскажешь.

Одиночество «рачка»

Ну и денёк! Не денёк – праздник. Есенины и Маяковские! Огненные кроны не кричат, как это часто бывает осенью в Раковом корпусе, а нежно-палево постанывают, словно бы они и не палки с листьями вовсе, а дельфины во сне ребёнка, лавочки не мнут увесистым чугуном выщербленные дорожки, а окаймляют, как дорогая оправа сапфир, солнечный свет...

солнечный свет, казалось, проникал даже во рты к неизбежно больным – так он был вездесущ. И всё это великолепие венчал «Тадж-Махал» Главного Ракового корпуса – такой же величественный и белоснежный.

Сергей ослабил узел кашне и уверенно зашагал по дорожке.

- Здравствуйте, Кристина Антоновна, как вы себя чувствуете? – он учтиво улыбнулся невысокой пожилой женщине, внешне очень походившей на полярную сову – Вы прекрасно выглядите. Причёска вам очень к лицу.

- Ой, Сергей Михайлович, если бы я вас так хорошо не знала, я бы подумала, что вы льстите и обиделась. Но я-то знаю, что вы от чистого сердца. Парик, это всего лишь парик. – горестно вздохнула она. – Двенадцать облучений... Моей внучке столько. В пятый класс ходит. Даже не знаю, как она будет без меня. Она так меня любит. Баба Крыся меня зовёт.

- Кристина Антоновна, не нагнетайте. – Сергей сорвал с ветки красивый буро-рыжий лист, галантно, словно букет протянул женщине. – Поверьте – я десять лет в онкологии. Чудеса случаются чаще, чем вы себе даже представляете.

Сергей говорил, а сам внимательно рассматривал её лицо: кожный покров сухой, бледный, даже слишком бледный, кантики ноздрей воспалены – простудная инфекция, на её-то иммунитет! веки синюшные, не на её пятьдесят шесть, бровей нет, ресниц тоже.

- А разрешите, я вас познакомлю со своей подругой по несчастью. – Кристина Антоновна улыбнулась так, как улыбается престарелая актриса начинающему юнцу-актёру – с чувством собственного королевского достоинства. – Я ей о вас рассказывала. Ну, та, которой открыто сказали, что жить ей осталось пол года, ну от силы год.

- Пол года. – с охотой привычно подхватил Сергей. – Сама по себе фраза «вам осталось жить полгода» не значит ничего. Только Господь Бог знает, сколько человеку отпущено, Кристина Антоновна. Смерть от рака может быть и очень быстрой – моей знакомой не стало за две недели из-за рака печени, и медленной, ведь раковая опухоль часто дает метастазы, которые постепенно разрушают внутренние органы. Опухоли бывают неактивные, позволяющие жить годами. Очень многое зависит от состояния здоровья и методов лечения больного. Конечно, течение болезни может сопровождаться сильнейшими болями, но сейчас существуют методики и препараты, причем не наркотические, которые могут поддержать организм и помочь уйти больному спокойно, без боли. Главное – понимать, что ответственность за здоровье каждый человек несёт сам и вести нормальный здоровый образ жизни, а если все же болезнь приходит, знать, что рак сегодня не приговор, его можно вылечить и желательно распознать его на ранней стадии. Здоровья вам!

- Сергей. Сергей, Сергей. Да, остановитесь же. – Кристина Антоновна мягко коснулась его плеча. – Вы ей это всё расскажите. Нинель Ивановна, подойдите к нам! – она помахала рукой одинокой невзрачной фигурке, которая, казалось, своей серостью слилась с серостью скамейки.

- Нинель. – тихо представилась скоро подошедшая немолодая женщина.

В её взгляде Сергей прочитал привычное уже выражение любого пациента «рачка», завидевшего незнакомого человека в белом халате – «ведь у меня ещё есть шанс, доктор».

- Сергей. – не столько пожал протянутую руку, сколько погладил он. Кожные покровы сухи, бледны, ногти с буграми, отметил он про себя.

- Вы врач, вы здесь работаете, не видела вас, вы, верно из отпуска?

Сквозь её тарахтенье Сергей видел привычные до тошноты глаза, глаза жаждущие чуда. Как рябь на воде – глубинно искрятся они или... тлеют.

- Серёжа из пульмонологии. Нинель, успокойтесь. Это не наш доктор.

Та оскорблённо замолчала. Оскорбление моментально сменилась безразличием. Но вдруг её глаза вновь вспыхнули. Всё эти процессы заняли не больше секунды.

- Серёжа. – молитвенно произнесла она.

Сергей напрягся, но не от предвкушения невыполнимой просьбы, которая непременно последует. Напрягся он от запаха смерти, которым просто пышела Нинель. Запахом, позвякивающим косой, запахом земли и червей, запахом вскрытия, запахом секса и Космоса...

- Да. – Сергей силой преобразил своё вдохновенное лицо во внемлющее.

- Я уверена, вы знакомы здесь все. – она обвела больничный дворик руками и остановилась на Раковом корпусе. – Выслушайте мою историю, только выслушайте. И больше ничего. Вы поймёте, как ко мне не справедливы.

- Да-да. – всё заводился Сергей.

- К ней так несправедливы. – поникла Кристина Антоновна, принявшись сочувственно слушать историю, которую несомненно выслушивала не один десяток раз.

- Зовут меня Нинель Ивановна Остроухова. Не буду кокетничать, сухая медицинская информация, ну вы же понимаете. – она так переглянулась с Сергеем, будто бы тот был иностранным шпионом, а она связной. – Мне пятьдесят четыре года. В две тысячи седьмом году в мягких тканях удалили злокачественную опухоль. Притом это делали дважды – первую операцию в поликлинике, иссечение же после гистологии, когда определили злокачественность – в онкодиспансере. Промежуток между операциями составил две с половиной недели. Пока решали, что да как делать – клетки возможно уже пошли гулять с кровью. Вот такая у нас диагностика и оперативное решение, мы даже в элементарном случае когда можно избежать ужасных последствий известными методами – не можем вовремя получить доступное в известном элементарном виде лечение. – она с нескрываемой яростью покосилась на здание корпуса. – После иссечения – долго решали, что со мной делать дальше: мнения разошлись по химии и рентгенотерапии – одни рекомендовали делать, другие нет. Сейчас я принимаю рентгенотерапию, а машина сломалась – четыре сеанса из семнадцати, вы только представьте – четыре, приняла я на машине допотопного варианта, «возят» «окно»-прицел, ну вы понимаете, для облучения по телу как хотят, попадает куда надо и не надо. Короче кошмар! Серёжа, я знаю, вы «раковые» все друг друга знаете...

Но Сергей уже не слушал её. Он ощущал настоящий восторг. Восторг собой, своим гением. Словно наяву проиграл он в памяти ситуацию годичной давности, когда он, серьёзно рискуя, пробрался ночью в рентгенотерапию и вывел из строя единственную импортную «пушку».

И вот результат. Первый за год. Стоит перед ним и дышит в лицо смертью! Нинель! Ивановна! Остроухова!

Сергей ощутил, как у него поднялось давление, привычно щёлкнула лопнувшая в носу венка и вдоль фильтра поползла жидкая струйка крови.

- Да-да. – Сергей сочувственно покачал головой. – Вы ж понимаете, что врачи здесь не причём. Это всё финансирование.

- Серёжа у вас. – не дав Сергею договорить, Кристина Антоновна округлила глаза и указала ему на рот. – Боже, у вас кровь.

- А? Что? – Сергей, умело делая вид, будто не понимает в чём дело, театрально ощупал кончиками пальцев верхнюю губу.

- Возьмите, возьмите же быстрее салфетку. – Нинель Ивановна подала ему сложенную вдвое салфетку.

Промокнув губу и фильтр, Сергей зажал нос салфеткой.

- Вы так всё близко к сердцу принимаете, Серёжа. Ну, нельзя же так. Тут вокруг столько несчастных. Если за каждого будет сердце болеть, что же это будет.

- Ничего-ничего. – Сергей страдальчески закинул голову. – Не обращайтесь внимания. Это погода. У меня так бывает. Атмосферное давление скачет. А что касается «пушки», я вас заклинаю, не обвиняйте врачей. Поверьте, они и так не доедают. Знаете, какие средства они отстёгивают, ну, добровольно-принудительно, конечно, вы понимаете, чтобы эта «кухня». – Сергей многозначительно посмотрел в сторону Ракового корпуса. – «Варила». Финансирование-то у них. – Сергей развёл руками. – Скучное. Что ж поделаешь. А на «пушку» советскую вы зря грешите. По секрету скажу, что она таки, в отличие от западного эквивалента, бьёт наповал. Рак как рукой снимает.

Сергей ляпнул эту только что выдуманную им же оптимистическую информацию и тут же осёкся – уж он-то знал, какую силу в раковом деле имеет самовнушение.

Но было уже поздно – Нинель Ивановна расцветала на глазах. Да уж, подумал Сергей, много ли таким нужно.

Действительно, много ли им нужно, размышлял Сергей, неспешно переставляя ноги по изрытой буграми корневищ лесной тропинке и, то и дело, цепляясь за них носком то одного, то другого ботинка – маленький укол чуда, а ещё лучше сдобренного религиозным чувством чуда и... и клиент скорее жив, чем мёртв.

- Нужно бы поаккуратнее с такими пафосными оборотами. – сам себе пообещал Сергей.

Шёл Сергей к себе, в Главный Онкологический корпус. Дорога была недалёкой, но скучной: унылые стены полу разваленной столовой, прачечная с гигантскими напоминающими сопла самолёта вытяжками, выкрашенные в грязно серый, те дребезжали и источали в небо густой

варовый пар, здание для послеоперационной реабилитации, проволочные заборы и частокол цементных столбиков – и главное – всюду тугой больничный холод, летом – летний, зимой – зимний, в промежутках – серый.

То ли дело лес – Сергей вспомнил своё расположенное несколько особняком от остальных, практически в лесной зоне отделение морга – воздух, словно бы украденный из детства, птичий говор, шелест, трёхмерный, влажный, пощёлкивание веточек под ногами.

Кчт-ч, кчт-ч, потрескивали они, когда Сергей выносил мусор или шёл в киоск за туалетной бумагой.

Ктч-ктч-ч.

Но здесь веточек не было – вместо них под ногами «потрескивали» хребты корневищ. Сергей остановился. В просветах кустов мелькнули и тут же скрылись до боли знакомые розовые стены. То было бюро судебно-медицинских экспертиз, организация, где Сергей, будучи ещё юнцом, начинал свою санитарскую карьеру – или, попросту, СМЭ. Славные и одновременно неподъёмные были денёчки. Савва, Бухой, Крэзи, ныне покойный Тёма – те ещё были кадры из «девяностых». Деньги в лихие годы лились рекой. Разборки, заказные убийства, рыжьи из крематория, гробы стоимостью с коттедж – всего и не упомнишь. Тут его мысли прервались необычной картиной.

-Трактор? – недоумённо буркнул он себе под нос, глядя на припаркованный у входа в СМЭ облепленный возбуждённой разношёрстной толпой трактор. – Что здесь делать трактору, да ещё и с прицепом?

Может зондеры³ теперь на тракторах катаются, ухмыльнулся он. Люди толпятся. Шишка, что ли какая померла. Тогда почему трактор? А может там целый прицеп трупов, подумалось ему. Мало ли как в жизни может повернуться. Разбился, например самолёт где-нибудь на колхозном поле, а рядом трактор стоит без дела. Сергей усмехнулся.

Млея от любопытства и сексуального напряжения, он приблизился к моргу. Трактор как трактор, ничего особенного – засранные навозом колёса, засранный навозом прицеп. Засранный навозом сцепка. Двери кабины нараспашку.

- Что случилось? – спросил он у первой попавшейся ему на пути зарёванной женщины.

Та даже не взглянула на него.

Тогда он обратился к недвижно стоявшему у входа в морг мужчине с бледным лицом:

- Что случилось?

Тот лишь махнул рукой, посмотрел на часы и скоро зашагал за угол.

---

³ Зондеры – труповозы (сленг)

- Ребят, что у вас тут произошло? – уже даже с некоторой истеричной весёлостью обратился он к санитарам, едва переступив порог секционного зала. – Привет Жанна, Слава. – поздоровался он. – Там, как зомби все топчутся, говорить ничего не хотят.

- Да отец на тракторе дочку задавил. – Жанна, слегка морщась, пальпировала почку из сумки и отрезала кусочек для гистологической экспертизы. – Не то со двора выезжал. Не то она из-за автобуса выбегала. Пока не ясно.

- Мда-а. Ситуация. – Сергей смерил взглядом окровавленную одежду, что грудой была сброшена на пол – школьное разбухшее от ещё не успевшей закореть крови платьице, рваные колготы, трусики с голубым декоративным, словно у конферансье бантиком, что-то белое, распоротое по шву, наверное, сорочка. Полу ботиночки почему-то аккуратно стояли в углу, так, словно бы дожидались хозяйку. Одежды показалось Сергею слишком много для такой маленькой девочки, по крайней мере, для одной девочки.

- Кстати, о ситуациях. – Слава оторвал его от созерцания одежды. – Серёжа, скажи, пожалуйста, а у тебя в онкологии бывает такое, чтобы трупы обосранные привозят?

- Обосранные медсёстры?

Жанна прыснула смехом.

- Я тащусь, Сергей от твоего чувства юмора. – успокоившись сказала она.

- Сергей, я серьёзно. – Слава тревожно посмотрел в окно – не услышали ли родственники её неуместный смех. – Обосранные.

- В смысле, измазанные говном что ли? – уже серьёзно сказал Сергей.

- Да нет, ну обосрался человек перед смертью, или в момент смерти.

Так сказать посмертно обосрался.

Теперь уже рассмеялся Сергей:

- Во, ввернул. Посмертно обосрался. Мои клиенты за неделю до смерти не то, что срать – есть перестают. Но они всё равно в памперсах. Правда бывает, им памперсы неделями и не меняют. Так что возможны варианты... А тебе зачем? Почему ты спрашиваешь?

Слава отточенным до автоматизма движением подsunул девочке под шею колодку и принялся скальпелем, так словно бы он открывает консервную банку, разрезать лоскут от правого уха к левому.

- Да у нас тут хрень какая-то творится. – не переставая совершать рычажные движения, говорил он. – Что ни труп, то обосравшийся.

- И она? – Сергей указал на девочку.

- Эта – не-ет. Чиста как ангел.

- Какангел. Смешное слово получилось. – сказала Жанна.

- Поэтесса ты моя недоделанная. – Слава по-доброму пожурил Жанну.

- А так вообще, обычно все обосранные.

- Действительно странно. – Сергей озадаченно потёр лоб. – Единственное, что приходит на ум, э-э-э... ну вот смотри, ваш морг обслуживает несколько конкретных районов. Да?

- Ну, да, так.

- Тогда смотри, у них на районе есть гастроном. Они чаще всего там покупаются продуктами. А в гастроном продукты привозят из одного и того же колхоза, например, «Зоря коммунизма» или ещё там как-нибудь. Ну и продукты, в общем, некачественные. Вот у них и проблемы с пищеварением. Ну, вот как-то так, может.

- Версия, конечно, интересная. Но ты не забывай, что мы СМЭ, а не патанатомия, к нам трупы не по месту прописки привозят, а по месту, так сказать, гибели. Если он разбился на машине в Первомайском, допустим, районе, это не значит, что он там живёт, ну жил.

- Ну, тогда не знаю. – пожал плечами Сергей, которому уже стала наскучивать эта беседа. – Ладно, в гостях, как говорится, хорошо. Пойду в родные пенаты.

- «Рачков» своих мучить? – ехидно улыбнулась Жанна, принимая из рук Славы мозг девочки.

- Тащусь от твоего чувства юмора. – не без удовольствия парировал Сергей. – О! Здоров, Островский.

- Доброго дня. – неожиданно возникший в дверях измождённый, восковый лицом человек устало улыбнулся ему в ответ.

Женщина, которая умрёт

Уже на подходе к раковому корпусу Сергей ощутил знакомый до боли и такой возбуждающий аромат препаратов. Настолько цельный, насколько и пёстрый. Как толпа у самой гнилой пивнухи. Сергей вдохнул полной грудью: сладковатая прелесть диротона, слегка прогорклый, но всегда такой желанный мелфалан, циклофосфамид – упругий и одновременно ранимый, как девственница, флуороурацил, паклитаксел, норваск, едва уловимая пыльца летрозолола, грубый пенис предуктала, норваск, моноприл...

Медицинская песня, песня смерти и скальпелей. Как мила она уху истинного гурмана, как манит она, как сосёт...

флуороурацил

паклитаксел

норваск

Сергей невольно замедлил шаг. Шумно втянул словно бы ватный или сплетённый из миллиарда тончайших нитей воздух. Опыянился и эрецировался!

Минув входные двери, и ещё только приближаясь к вратам регистратуры, он уже «слышал» полные боли глаза притаившихся там «рачков». В инвалидных креслах, на каталках. Жёлтые и умирающие;

белые... Бродящие вдоль стен. Словно тени. Сутулый силуэт, неровный шаг, влажный затылок, ни с чем несравнимый фарфоровый блеск кожи, диагноз, словно имя, диагноз, словно фамилия: Рак Почки, Рак Кожи, Рак Костей (Р-К), Рак Мозга, Рак

Шейки

Матки

Рак Гортани (Р-Г), Рак Грудки, Рак Толстой Кишки, Рак Прямой и Ободочной Кишки

кишки – ты только послушай

– все эти болезненные своей болью словно бы опиумным нектаром наполняют Сергею голову, дурманят. Надпись «РЕГИСТАТУРА» распадается на фотоны и плывёт. Он шёл по коридорам смерти и с замиранием сердца «прислушивался» к предстоящему разговору с Онаньевым, заведующим отделением, моложавым одутловатым врачом, лицом походившим на сырую курицу, да и запахом изо рта тоже. «Видел» он, как тот одними волнами и ультразвуками будет сообщать ему о предстоящих смертях, произносить вожделенные фамилии и имена, имена смерти, диагнозы и прогнозы, диагнозы и прогнозы смерти...

Поравнявшись с его кабинетом, Сергей привычно тонически напрягся, быстро придал лицу вместо возбуждённого встревоженное выражение

и потянулся к ручке

- Обухова, да-да, я встретил её только что во дворе. Бледная, боже. Она с каждым днём белеет. – где-то посередине фразы Сергей с ужасом осознал, что прощёлкал тот момент как оказался в кабинете заведующего, как поздоровался, если вообще поздоровался, как сел напротив того на стул, как начал разговор. Более того он только сейчас сообразил, что те манипуляции и мнимое напряжение перед дверью заведующего ему вообще привиделись, и самое главное, самое-самое, что привиделись они уже тогда, когда он находился непосредственно в кабинете.

Онаньев с привычной «курицей» на лице упруго сидел в своём кресле и постукивал гелиевой ручкой по увесистому смахивавшему на энциклопедию журналу « АВТО мир».

- Обухова Кристина Антоновна. – на всякий случай повторил имя интересовавшей его пациентки Сергей.

- Понимаете, Серёжа. – Онаньев сочувственно поджал губу. – Не стану травить вас терминологией, самого тошнит уж, в жизни так не ждал отпуска. – он тяжело вздохнул и, словно бы нехотя, продолжил говорить. – Плохо всё с Кристиной э-э-э, с Обуховой, в общем. Позавчера встречался с её мужем. Пытался убедить его забрать жену домой. Пускай, говорю, лежит в любимой кровати с любимым котом, перед любимым телевизором там, а не гниёт здесь среди этих. – он изобразил

руками что-то невнятное. – Ну, вы понимаете. А тот упёрся. Светите, дескать, её до конца. Это ваша работа, ещё добавил. В общем, разговор вышел пренеприятнейший.

- И что теперь? – сердце Сергея учащённо забилося.

- М-ну-у, будим светить. – он сделал энергичное движение телом, словно бы показывая этим «а что ещё остаётся». – Пока, к тебе, так сказать... на стол.

- А Алевтина?

Онаньев шумно откинулся в кресле. Так, словно бы слово «Алевтина» отбросило его.

- Да всё там. – потупился он. – Иди в палату, сам всё поймёшь. - заведующий сочувственно подёрнул уголками губ.

- А-а Женя? Игорь Аркадьевич, она одна сейчас?

- Можешь зайти – она только после «дозы». Дочка с зятем, вроде, с утра были. – Онаньев автоматически покосился на свой «мини-бар». – А ты вообще в отпуске, когда в последний раз был?..

Очнулся Сергей уже на лестнице и от стука своих же ног. В этот раз волнение его практически не знало границ. Пульсируя, оно внесло Сергея через челюстно-лицевое отделение в терапевтическое, где уже Сергей сам подхватил его на руки и буквально внёс «колесом» в палату к Жене. Внёс, словно букет для любимой, словно налитый до краёв стакан с ртутью. Трепеща и прилагая максимум усилий, чтобы не разлить, не выплеснуть тяжесть своей ртути на лицо любимой «колли», на грудь её, на впалый с горкой лобковой кости живот.

Отдышавшись, он поставил «стакан» на пол и подошёл к койке.

- Серёжа, вы. – выдохнула Женя и тут же с заметным усилием наполнила уставшие лёгкие.

Сергей заметил, что она не взглянула на него.

- По шагам узнала. – глухо пробормотала Женя, словно бы предвидя назревший вопрос. – Сестра семенит – у неё сотня таких, как я. – она выдержала внушительную паузу. – Игорь Аркадьевич шаркает, бахилы у него вечно в дырах, заметили? Молодой, а шаркает... Дмитрий Иванович покашливает, перед тем как войти – воспитание, Валера... Валера приходит строго по расписанию, остаётесь только вы – стремительный, непредсказуемый, такой, каким и должен быть настоящий мужчина. Я думаю, вы и так видите, что я умираю. Боже, б-х-оже... ведь ещё месяц назад я была уверена, что выздоровела. Не просто уверена, я поблагодарила за это бога, я искренне, от всей души поблагодарила его. Спасибо, сука – я снова дохлятина. Презираю. – из глаз её брызнули слёзы. – Подыхаю, всё.

Женю так трясло, что Сергею на мгновение показалось, что она вот прямо сейчас и умрёт, прямо вот в эту секунду. В эту самую, неповторимо-сладостную! Секунду. Что сегодня именно она станет той

самой женщиной, женщиной, которая умрёт... (В-с-н-с-с)и (с-с). Нега разлилась по его жилам и тромбом замерла в члене.

- Нет. – шёпотом рывкнула она, заметив, что Сергей смотрит на её, случайно обнажившийся из-под одеяла мочеприёмник.

- Ну, зачем вы так? – Сергей коснулся её головы. – Всё ещё, э-э-э...

- Замолчите, прошу. – грубо оборвала его Женя. – Нет сил. Идите лучше. Нет сил.

Сергей окрылённо зашагал по коридору, зашагал в такт ударам своего возрождённого сердца. Шаг-удар, шаг-удар, зиг хайль! Ему больше не нужно было лгать. Та стадия, сногшибательная стадия, Сергей назвал её «песня оргазма» наконец-то заняла своё почётное место в их с Женей отношениях. Замечательная стадия отсутствия лжи. Больше. Не нужно. Врать. Она знает – таял Сергей. Я знаю – таял Сергей. Никаких секретов. Сплошной оргазм. Настоящая семейная жизнь. Безжизвая. Безаппендицитовая. Как диагноз.

Узкий и ярко освещённый коридор сменился широким, окрашенным в мрачноватый синий, менее освещённый, синий резко свернул, встряхнулся редкой лестницей, созданной словно бы для того, что бы о неё спотыкались, и плавно перетёк в застеленный ковровой дорожкой холл с диванами и искусственными пальмами. Дальше зеркальная сте...

Тут полёт прервал телефонный звонок.

- Ты ещё, как я понимаю, не дошёл? – послышался в трубке унылый голос Алексея Александровича.

- Я сейчас у Жени был. – не пряча возбуждения, тараторил Сергей. – Сейчас к Богданович думаю заглянуть, только у Аркадича был, а он...

- Ты... не иди... больше. Возвращайся к себе. – трудно произнёс Алексей Александрович.

- ?.. – Сергей замер.

- Только что с поста звонили – умерла Богданович. Пять минут как.

Сергей стоял, прижав трубку к уху, и беспомощно утопал в колебаниях своего сердца – всеобъемлющая нега накрыла его с головы до пят. Женским оргазмом. Женским оргазмом.

- Серёж, ты понял меня?

- Ага. – он сунул кажущийся красным телефон в нагрудный карман.

Женщина, которая умерла или «лето падения»

«Онкобольные дети верят, что «все будет добре»

15 березня 2008, Автор: Елена Мясник

22 марта на сцену театра им. Горького выйдет необычный дуэт: Таня Миланкина, готовящаяся к седьмому курсу химиотерапии, вместе с финалистом «Х-фактора» Юрием Богуславским споет песню Святослава Вакарчука «Все будет добре». Лечащаяся от саркомы пятнадцатилетняя девушка сама выбрала песню и артиста для дуэта.

Для нее, наверное, особый смысл в словах: «І ось, коли ми майже там, де холодно і сніг, і зовсім близько наша самота, бажання сильні, як любов, допоможуть нам дійти і буде вся та наша висота».

О том, что желание жить и быть здоровым может победить страшный недуг, смогут рассказать дети, исцелившиеся от онкологических заболеваний. Год назад больная саркомой Алиса Нечепуренко еще не ходила – на третий благотворительный концерт-акцию «Жить завтра!» ее принесли на руках. Ведущий концерта российский актер Даниил Воробьев тогда пронес через весь зал букет и вручил девушке со словами: «Алиса, не сдавайся. Все у тебя будет хорошо!» А в этом году шестнадцатилетней Алисы уже нет с нами. Сегодня вместо неё выйдет на сцену девятнадцатилетняя Настя Котова, для того чтобы спеть дуэтом с Оксаной Шовкун песню «Иди и смотри». Памяти Алисы. Нет, наверное, в Днепрпетровске человека, который не видел бы билборды и объявления с просьбой о помощи больной лейкозом Насте Котовой. Деньги на ее лечение собирали всем миром. Девушке успешно провели трансплантацию костного мозга в израильской клинике, и она уже успела стать студенткой Днепрпетровского национального университета им. Олеся Гончара».

- Всем м-миром. Да-да-а-а. – Сергей схаркнул в ладонь и быстрее задвигал рукой.

«На сцену Настя выйдет вместе с трио «S-класс», чтобы исполнить песню «Вера, надежда, любовь». «Я подарю тебе любовь, я научу тебя смеяться» — споев излечившийся от саркомы семилетний Ярослав Гудименко вместе с Викторией Билан-Жилинской, актрисой киевского театра русской драмы им. Леси Украинки. Семилетний Сережа Злобин, излечившийся от лейкоза в Израиле, вместе с Зинаидой Чепой исполнит песню «Иди дорогою добра». Символическим станет и финал мероприятия, во время которого все артисты, лечащиеся и уже здоровые дети вместе с врачами и медсестрами исполнят светлую и радостную песню «Ветер перемен» из кинофильма «Мэри Поппинс, до свидания!»

- До свидания, до свида-а-а-а-а!!! – Сергей высоко запищал и излил семя на газету, размазал головкой члена помутневшие буквы, взвыл от наслаждения. – Давайте. – едва уловимо произнёс он. – Излечайтесь, выздоравливайтесь чудом. Выздоровливайте...

Взгляд постепенно, но ровно прояснился. В туалете Ракового корпуса пахло отчаянно, пахло концентрированной мочой, запорными куклятами, выделениями и кровью. Слизав сперму с затасканной, но предусмотрительно оклеенной прозрачной лентой статьи, Сергей аккуратно сложил газетную вырезку и сунул в нагрудный карман, собрал остатки мастурбации в ладонь, влил в рот и пошёл в палату к Алевтине.

его маленькой тайной (м-т)

Ещё будучи школьником и задолго до того как пойти в мед училище Сергей знал, что станет прозектором, но не патологоанатомом, чушкой, что ставит диагноз, изучает последы и ткани больных органов, рассматривает под микроскопом тончайшие срезы тканей и прочий говно-гной, а санитаром-прозектором.

Патанатом – лучший диагност.

Нет, это не про Серёжу!

Скрупулёзность, терпение, хорошая память, аналитическое мышление, профессиональная эрудиция. Нет!

Весь этот онанизм чужд Серёже.

Уже тогда он практиковал медитации. Очень своеобразные медитации. Каждый раз перед сном и по несколько раз в день во время мастурбации представлял Сергей, как будет врываться в мёртвые тела, словно разбойник с кيسетом в брошенный киоск, переворачивать там всё вверх дном, безнаказанно присваивать себе всё что пожелает, как будет унижать и потешаться над трупом. Как будет обладать им. Но судьба, словно бы в издёвку, подбросила ему самый что ни на есть постыдный первый труп (п-т).

Звали его Грелка (п-т-Г). Свинья Грелка. Свинья была старая и уродливая. Когда-то в своё время она была любимицей Маши, внучки Сергеевой соседки по двору, бабки Прасковьи. То была печальная история. Молоденькая озорная Маша, банальная городская, приехавшая погостить в деревню девчушка. Она навсегда осталась в памяти Сергея словно бы бегущей, длинноногой, будто кузнечик, с растрёпанными косами и в стоптанных запыленных сандалиях на навечно сбитых ступнях. Маша утонула в то лето. Прасковья не смогла перенести такой удар, тронулась умом и несколько лет после того жила с Грелкой, как с внучкой. Не могла заколоть, рука не поднималась – всё-таки память. Тем летом, «летом падения» (л-п), как окрестил его Сергей, бабка крепко заболела и слегла. Сергей выманил свинью в лес, тупо заманил бураком. Там тупо ударил её по голове палкой, та завизжала, попяtilась, он тупо нанёс ещё два удара, свинья повалилась на бок и задвигала лапами, словно бы бегущая во сне собака. Сергей тупо дождался, пока та замрёт. Тупо перевалил на спину, тупо сделал разрез от горла к паху, выделил грудину, выпотрошил

тупо

Но не это было главной тайной, главным секретом и позором его жизни. Позором «лета падения».

Пути господни неисповедимы – говорят бабушки, и мир незамедлительно вторит им. В общем, так уж случилось, что Грелка стала ещё и первой женщиной в жизни Сергея.

В мед училище Сергею училось легко. Он с энтузиазмом хватался за всё, что было хоть на сколько-нибудь связано с внутренностями чел

устроиться в морг НИИ онкологии. Небольшой, не такой трупный, как СМЭ, но главное его преимущество заключалось

1

Да-да, один. Сергей мог находиться в нём сутками абсолютно один. Даже на вскрытие не всегда приходил анатом – Сергей приучил медиков к тому, что он сам нарезал гистологию и относил в лабораторию. И вот тогда для Сергея наступил рай на земле. Рай в «келье» после «лета падения».

Женщина. Которая. Умерла.

Сергей сменил затёкшую ногу. Он был удивлён лёгкости своих же мыслей. Они, словно прыгающие с ветки на ветку синички содрогали его голову практически без его же участия, словно бы не включая его. Глаза Сергея, всё ещё подёрнутые флёром воспоминаний, плавно перетекли на пустой секционный стол. Вот тут, словно на алтаре через какое-то мгновение будет лежать она, Алевтина, благодатная гора мяса, килограммы и килограммы любви, жёлтая, потная, торжественная своей немотой, онкологическая и доступная. Сергею пришло на память Бунинское «Преображение».

- Глубокая ночь, зима. – виртуозно продекламировал он и прислушался к собственному голосу. – Ночь для нее, среди живых, последняя. На дворе метель и темь, вся деревня спит. Спит и весь двор, - обе жилые связи полны спящими, - и над всей этой зимней ночью и метелью, сном и глушью двора и деревни царит Мертвая: вчерашняя жалкая и забитая старушонка преобразилась в нечто грозное, таинственное, самое великое и значительное во всем мире, в какое-то непостижимое и страшное божество - в покойницу. Умбр-р. – Сергея потрянуло. – Аж мурашки по коже от этой нетленки.

А ведь и Алевтина чья-то мать, жена, подумалось ему, может быть, бывшая девушка. Сергею представилось, как она трахалась. Ложилась на спину, раздвигала ноги, «по-студенчески» дровичла клитор, сжимала член рукой и манила в себя.

- А как она какала...

Сергей вскочил на ноги и так и замер. В голове его что-то вспыхнуло и вмиг оборвалось! Зачарованно пробежался он взглядом по ритуально выложенным на предметном столике инструментам: секционный нож, самый длинный и тонкий нож, как пенис у алабая, нож покороче, рёберный нож, любимый нож, широкий и короткий нож, шокирующий нож, как называл его сам Сергей за удивительное свойство – способность через свои анатомические свойства удивлять хозяина, с увесистой ручкой, вдавленной бороздкой на округлой рукояти, вензелем НИИ и О, нож-скальпель, для вскрытия головы и младенцев (г-

и-м) – от ножей у Сергея закружилась голова – ножницы обыкновенные, такими дети вырезают аппликации, ножницы кишечные, слегка сплюснутые с одного конца, всякая мелочёвка, моток ниток, пила ручная, пила рёберная, асцеляторная пила – от пил у Сергея мелко затряслось внизу живота.

Он мутнеющими глазами обвёл блистающий в свете ламп секционный стол.

- Словно алтарь. – выдохнул он.

Всё. Для. Алевтины. Было. Готово!

- Альва ното!!! – заорал Сергей в Космос. – Ну, где же эта Прелесть. – раздражённо пробормотал он и глянул на часы. – Вот уж действительно Препесть. Ч-чёрт, нужно было у неё телефон попросить. Чего они не едут!?

Алтарь сиял.

Сергей не мог больше стоять и приподнялся на цыпочки, будто бы силясь взлететь. Вытянулся в струну.

На минуту он снова отвлёкся на инструменты. Вернулся в санитарскую. Не глядя, привычным узором выбил номер патологоанатома.

- Толя, привет. – Сергей переложил трубку в другую руку, вытер вспотевшую ладонь о полу халата. – У-у в-вас там Б-богданович умерла. – заикаясь, произнёс он.

- А что родственники уже пришли?

- Нет, никого не было. Просто не везут никак. Я же должен как-то своё время рассчитывать. – едва сдерживал раздражение он.

- Не волнуйся. – вяло вещал голос из трубки. – Сегодня вскрывать уже не будем. Четвёртый час уж.

Сергей так грохнул кулаком по столу, что стоявший на краю стакан упал на пол и, гремя рёбрами, укатился под диван. Он мысленно сосчитал до десяти.

- Да и, это, между нами. – Толя зачем-то причмокнул губами. – Давыдов пораньше сегодня отпросился. В школу его вызывают из-за дочки.

- Что опять? – стараясь не проявить своё напряжение, сдержанно произнёс Сергей.

- В этом году уже в четвёртый раз. Я ему говорю, отдери её разок как следует, чтобы сесть не смогла. А он всё возится с ней. И в кого только пошла? Раиса Борисовна такая интеллигентная женщина, да и Егорыч, более чем. Не понимаю.

- Телегония. – сочувственно произнёс Сергей.

- Хм, думаешь? А сколько ей лет было, когда наш Давыдов её замуж брал?

- Да уж за двадцать, наверно.

- Ну, тогда всё ясн...

Их разговор оборвал звонок в дверь.

- О! Наверное, привезли. – у Сергея так сел голос, что он даже не смог попрощаться, только беспомощно провыл что-то в трубку.

- Ну, до связи. – слышалось на том конце провода.

Грохнув трубку на аппарат, Сергей помчался отворять. Даже не глянув в глазок, по одному лишь гулу мотора скорой помощи, kloкочущему, задыхающемуся, Сергей опознал свой груз. Собакой опознал, охотником. Трясаясь и тая в ознобе, он вырвал засов, свернул шпингалет, щёлкнул собачкой и буквально вывалил створки дверей наружу. Те с грохотом ткнулись в стены.

В дверях, в сизом выхлопном дыму и габаритах скорой помощи стояла Тамара.

- Г-где!?! Т-ты. – Сергей пытался говорить испуганно взиравшей на него медсестре, но на деле он просто пучил глаза и разводил руками.

Поняв, что просто не в состоянии произнести что-либо связанное, он ухватился за носилки и рванул на себя. Колёсики со стуком заскользили по изношенным полозьям, соскочили с рельс и застопорились. Сергей снова рванул, тело колыхнулось, простыня сползла, обнажив Алевтине лицо и грудь. Едва успев подскочить, долговязый водила подхватил носилки, соскочил с машины и помог Сергею скинуть труп на каталку.

- Вот приставучая блядь. – сам себе усмехнулся Сергей, затворив, наконец, за Тамарой дверь, которая, видимо чувствуя за собой какую-то вину, до последнего пыталась ему что-то объяснить.

Сергей не вкатил тело в секционный зал – он вкатился лёжа на нём сам, сам и Я, весь и Свой, всё о Себе, и Своём, влетел в рай на крыльях из Алевтины. Ворвался в царство ножей и алтаря. С такими мыслями, наверное, молодой педагог входит в первый раз в первый класс. Как в преддверие.

Смотри.

Сергей разлепил ей веки.

Всё для тебя!

Стремительно выбежав из секционной, он вернулся с упаковкой ванилевых свечей. Больше года назад заготовил он их.

Это всё для тебя. Точнее для Вас. Вы же почтенная дама в почтенном возрасте.

юродствовал он.

Хотел после вскрытия, да чувствую, не дотерплю.

Он зажёл свечи. Окропил «алтарь» ананасовым соком. Секционная наполнилась приятным церковным пощёлкиванием и восковым ароматом. Запели инструменты музыкой света и сияния. Ножи, пинцеты, пилы, молотки, дренажи

Ваниль

поглотила церковный флёр

и

превратилась
в Алевтину.

Наглухо закрыв жалюзи, Сергей включил самую известную «комнату» Гарольда Бадда...

Ты же так любишь этого немца, Алевтина.

Закончив приготовление, Сергей церемонно вышел из зала, успокоился, отдышался и... словно в первое свидание... с головой

Ну, здравствуй, Аля!

- Ну, здравствуй, Аля. Я устал тебя ждать. – низко склонившись, Сергей поцеловал её в губы. – Наконец-то я увидел тебя. Нет, я не о твоей наготе, о коей я мог только мечтать. Наконец-то я увидел твою взаимность. – он провёл ладонью по гладкой площадке оставшейся после ампутации правой груди, двадцать лет назад рак начал своё знакомство с Алевтиной именно с молочной железы. – Этот рак... он ведь свёл нас. Ты должна его благодарить. Мне очень нравятся такие женщины, как ты, Аля. – он жарко коснулся ещё не успевшего окончательно остыть бедра. – Опухолью называют избыточные патологические разрастания тканей, состоящих из качественно изменившихся, утративших дифференцировку клеток организма. Твоего организма, Аля. Ты рак – не я. Ты разрастаешься и черствеешь. Из принятых в медицине терминов, обозначающих опухолевый процесс, наиболее часто употребляются следующие: тумор – божественно-неповторимый *tumores*, новообразования – божественная-гнилая *neoplasma*, бластома – божественная-глистообразная *blastomata*, – последняя наиболее полно отображает существо процесса. Бластома происходит от греческого глагола *бластонеин* – расти. Расти, Алевтина, расти на моём столе и люби. Доброкачественные опухоли - *tumor benignum* божественно-гнилостные, растут медленно, могут существовать годами, не увеличиваясь. Сначала они девочки с влагалищами по имени Алевтина, затем они влагалища с девочками по имени Алевтина. Они окружены собственной оболочкой и плевральными оралами и аналами. При росте, увеличиваясь, опухоль отодвигает окружающие ткани в колготки или в чулки, не разрушая их прокладками. Гистологическое строение опухоли незначительно отличается от ткани, в которой она развивалась. Поэтому доброкачественные опухоли носят названия собственных тканей из прокладок и трусов с добавлением суффикса "ома" от греческого термина "онкома" (Алевтина-Аля). Ну, пора, пора же на стол! Тебе на стол, как говорил мой знакомый патологоанатом, а мне к столу. Том патологоанатом, Том берёт работу на дом.

Проговаривая старинную детскую считалочку, Сергей ловким движением обошёл труп, ухватил за левую ногу и под мышку, рванул на себя и водрузил тело на секционный стол.

- И у Тома потому очень людно на дому. Ждал тебя с первого дня. – жадно дыша, простонал он практически без пробелов, одним словом. – Помнишь, ты рассказывала мне о муже. Может это нелепо, но я тогда думал лишь о том, что у меня никогда не будет мужа. А у мужа не будет тебя. А ты будешь лежать с раздвинутыми ногами у меня на столе. Или у меня в столе. Я гигант. А ты лилипут. Карлица. Карлуша зелёная. Лежишь у меня в верхнем ящике, в верхнем ящике стола и пищишь. Пищишь мышью. А я шиплю змеей. И снегом. Пиздобол! Пиздоболпиздобол!

Сергей с чувством отхлестал себя по щекам.

- Все эти сложные пертурбации. – продолжал он свой сбивчивый монолог. – Нужны были мне лишь для того чтобы завуалировать замазать твой след – портрет твоего мужа в момент оргазма. Теперь ты мертва и муки отпустили меня. Я теперь могу смотреть тебе в глаза с полной кровью, могу любить тебя. Я вот припас нам вина. – он достал фигуристую бутылку. – Paleo Rosso. – прочитал название. – Помню, ты говорила об этом вине. Это ваше с мужем вино. Точнее, тайна. Ты так доверилась мне, что мужу было бы впору ревновать.

Сергей вдохновенно замер. Он увидел, как вспыхнув, сияние свечи на миг отразилось в её бледном лице, смазав глаза и очертив глазницы. Словно бы чёрный силуэт чёрного художника. Словно бы угольным карандашом.

- Карандашом смерти глазницы смерти. – одними губами произнёс он. – Муж никогда не видел тебя такой... такой умиротворённой.

Сергей отпил из налитого до краёв бокала.

- Когда ты спала – лицо было окрашено тревогой беспокойства, утром – отчаянием раннего пробуждения, в моменты соития – сексуальным уродством экстаза, лицо твоё тогда превращалось в жилы, жилы шеи, жилы лба, ты вся превращалась в своё лицо с дырой в нижней трети и глазами в верхней, и даже они в этот миг превращались в жилы, ты вся – жила; вечером твоё лицо было обезображено усталостью. А сейчас ты как никогда умиротворена. И не нужны мне твои жилы. Я не хочу на них смотреть.

Сергей неспешно распустил завязку на штанах, взялся Алевтине за голени и, уже было собрался привычным рывком подтянуть её к себе, как вдруг раздался неприятный писк телефона.

- Серёж, хорошо что ты ещё на месте. – в трубке послышался встревоженный голос Онаньева. – Богданович уже привезли?

- Да. – срывающимся голосом проблеял Сергей, покосившись на мерцавшее в свете свечей тело Алевтины.

- Короче, объяснять некогда. Родня у неё какие-то подвязки серьёзные в наших верхах нашла. В общем, вскрываем сейчас. Тело отдаём сегодня до шести. Так что начинай резать, я скоро подойду.

Сергей стоял растерянный, одной рукой держа телефонную трубку, другой сползшие до колен хирургические штаны.

«Начинай резать, я скоро приду», только и крутилось у него в голове сквозь короткие гудки.

Придя в себя, он быстро попрятал свечи, бокалы – всю атрибутику первого свидания, открыл жалюзи, чтобы выветрить воск, распахнул окна. Не в силах побороть возбуждения, он прихватил бинтом торчавший член, который было видно даже через довольно просторный фартук, надел нарукавники, перчатки, похожие на фольгу бахилы – заведующий с какой-то маниакальной настойчивостью требовал от него соблюдение этого абсолютно чуждого аутопсии этикета. Проделав все эти нехитрые манипуляции, Сергей приступил к вскрытию.

Твёрдо обхватив Алевтину под шею, он втиснул ей под лопатки деревянную колодку,

испытал напряжение расслабленного трупа

рёберным ножом рассёк корпус от кадыка к лобку, обнажил грудную клетку и брюшную полость. Тем же рёберным ножом в два сильных движения вырезал по хрящам грудину, демонстративно небрежно швырнул ту Алевтине в ноги. Приподнимая словно бы приросшие к внутренней стороне грудной клетки лёгкие, а за тем и кишечник, он средним секционным ножом масляно провёл вдоль позвоночного столба, мягко провёл, глубоко,

предплечье правой руки сладко коснулось ещё тёплого разреза этим гадким-гадким нарукавником

Как страстно захотелось Сергею сбросить его «змеиную» кожу со своей руки...

Вспорол диафрагму. Намотав на ручку большого секционного ножа кусок ветоши, неспешно вырезал язык и органы шеи.

каждым тычком ощущая твердь нёба, как... женщину

Тем же ножом выделил органы малого таза, обрезал толстую кишку, глубоко, у самого основания. Извлёк органокомплекс и с чавканьем водрузил его на секционный столик.

- Чего это у тебя, как в церкви пахнет? Свечи что ли жёг? – с порога заявил Онаньев, нервно подёрнув ноздрями.

Стараясь действовать как можно более непринужденно, Сергей разрезал лоскут головы и, помогая себе ветошью и рёберным ножом, принялся натягивать тот на подбородок.

- Жёг, Игорь Аркадьевич. – поняв, что вопрос был не риторический, ответил Сергей и демонстративно понурил голову. – Человек всё- таки... умер.

- Неисправим ты Серёжа. За каждого так переживать – с инфарктом до срока ляжешь. Аккуратнее. – несдержанно произнёс он, заметив, что лоскут от натяжения едва не пошёл рваться по лбу. – Говорю ж, родственники кручёные какие-то попались. Главное, нет, пока в «учебке» тухла. – Онаньев кивнул в сторону ракового корпуса. – Они ни ухом ни рылом, телячье племя, а как дело к «дембелю» пошло. – он выразительно посмотрел на «разорванный» труп Алевтины. – Активизировались.

Сергей невольно улыбнулся, вспомнив о пристрастии заведующего к военному юмору и привычке его всё сводить к «дембельской» теме.

- Тут ясно всё, Игорь Аркадьевич. – Сергей решил побыстрее выпроводить въедливого и дотошного зава из своей кельи. – Могли и не приходить вовсе.

- Ну да-а. – тот бывало покосился на вываленный на столик кажущийся ещё живым органокомплекс. – Как на ладони. Но, порядок есть порядок.

Надев перчатки и защитные очки, Онаньев принялся нарезать гистологию и, не глядя, бросать её в банку с формалином. Сергей тем временем срезал с оголённого черепа Алевтины височные мышцы и принялся пилить.

Когда Онаньев наконец-то ушёл, сказав напоследок своё коронное: «ефрейтор Онаньев пост сдал», Сергей спешно затворил за ним дверь на все засовы, а их было без малого пять, и...

Алевтина-королева.

Теперь она была во сто крат прекрасней, чем до вскрытия. Во сто крат. В тысячу. Она торжественно торчала на столе раскрытым красно-жёлтым жирным-жирным животом и грудной клеткой. Глубокая, бежевая! с распиленной черепной коробкой. Спилы и костяная перемешавшаяся с жиром мука тлела на жёлтых сухих щеках. Натянутый на подбородок лоскут, жирный-жирный, кроваво-золотой – именно таким был её бесподобный лобик с внутренней стороны, именно таким его никогда не видел муж, жирный-жирный. Сбившиеся в змейки рудые волосы покрывали бледную разрезанную от кадыка шею.

Сергей отбросил лоскут с лица, отчего лоб её сделался квадратным и миниатюрным, шириной с два пальца. Она буквально утопала в собственной крови, образках хрящей, распотрошённых органах, жире, фекалиях, жидкостях. Портила картину Красного Счастья и превращала её в Розовое Счастье лишь небрежно брошенные в пустую брюшную полость использованные перчатки, нарукавники и фартук, такой неприлично голубой, что Сергея передёрнуло, имелась у Онаньева такая привычка использовать труп вместо мусорного ведра. Сергей с остервенением выгреб из тела Алевтины следы пребывания в ней заведующего, скомкал в страстный и уничижительный куль, выбросил в

мусорное ведро, втоптал ногами, спрятал ведро в тень, закрыл жалюзи. Тут в дверь позвонили.

Сергей уже знал,
что это Он

Он

Кто же кроме него.

Быстро подтянул Сергей тело Алевтины к краю стола так, чтобы ноги свесились на пол, высвободил из-под бинта ни на миг не ослабевавший член и сладостно ввёл. Сразу. Глубоко. Влагалище Алевтины ещё не успело полностью остыть, только лишь несколько обескровилось, отчего сделалось словно бы пластмассовым и рифлёным. Оно не было горячим и влажным, таким, каким помнил его Он, и Сергей «исторически». Сергей называл это состояние безответным. При жизни такого у женщин не бывает. Даже у самых фригидных, у самых несогласных. Влагалище всегда откликается на член. Много. Мало. Либо вождеденно принимает его, либо жертвенно выталкивает и плачет. Здесь же нет – оно оставалось траурно недвижимо-статуарно (т-н-с). И именно эта (т-н-с) влекла Сергея. Немотой влекла и сном. Получалось, что Алевтина сама того не желая дала Сергею то, чего никогда не могла дать мужу.

Сергей подавился этой мыслью, словно рыбной костью.

Звонок робко повторился. Затем в дверь настойчиво, но мягко постучали, видимо ладонью, подушечкой холма Венеры.

- Как это символично. – млея от наслаждения, Сергей вышел из Алевтины.

- Б-богданович. – с порога выпалил мужчина, едва перед ним распахнулась дверь.

Бледный, сутулый, с залысиной, какой-то «звериничный»: с заячьими губами, птичьей шеей, голубиными глазами, утиным носом – и этот мужчина мог быть мужем Алевтины?!

- М-м-м-в. – только и промычал Сергей.

- Сестра моя... здесь. – не то спрашивал, не то утверждал мужчина, словно бы уловив мысли Сергея.

- А-а-а ваша сестра?! – едва не закричал от восторга Сергей, но тут же опомнился и состряпал, как можно более отвечающее ситуации лицо. – Алевтина у нас. Вскрытие уже завершено...

Они простояли, понутив головы около минуты.

- Вы Николай? – обескровлено спросил Сергей.

Тот утвердительно кивнул.

- Аля много рассказывала о вас. Буквально за день... до смерти... р-рассказывала.

- А-а в-вы?..

- Да-да, мы крепко сдружились, пока она болела. Если это конечно можно назвать дружбой. Разница в возрасте, как вы понимаете.

Сергей вглядывался в розовые от слёз глаза Николая, в мелко подрагивавшие русые ресницы и вспоминал, как какие-то полторы минуты назад плавно вводил свой член в Алевтину, в его любимую родную сестру, свидетеля его жизни, жизни его детей, как головка его упиралась в выделенную, но положенную назад в малый таз матку, как...

- Обычно по вечерам мы прогуливались с ней в парке у корпуса. – трогательно вещал Сергей. – Она рассказывала мне о своей жизни, я о своей. Честно вам скажу, я до конца верил в её исцеление. Да-да, именно исцеление. Вы же понимаете, она была практически обречена. Но... вы знаете, я уже много лет в раковом корпусе. Поверьте, эти стены видели чудеса. Но... что ж теперь. Человека нет с нами, и какого человека... Скажите, а вы верите в бога? Нет-нет не отвечайте. – Сергей так увлёкся, что не заметил, как взял Николая под локоть. Перчатки и фартук его были в крови, и он немного измазал Николаю пиджак. – Не отвечайте. Это дело каждого. Как бы то ни было Аля сейчас на небесах, с ангелами и херувимами. Поёт нам песню добра и вечности. И наша задача не плакать о ней, а попытаться услышать её песню и возрадоваться.

Сергей почувствовал, что больше не может сдерживать смех и эрекцию, закрылся рукавом и спешно скрылся за дверью. С гоготом ввалился он в секционную, пьянея от себя, пьянея от себя

пьянея от себя

- Аминь. – простонал он сквозь слёзы, той же окровавленной перчаткой вынул член, описал головкой в воздухе круг-нимб и снова забился в эрекции истерике.

Он придвинул голову Алевтины к себе, нет, не придвинул – прильнул к ней сам, ухватился за спил черепа так, чтобы пальцы словно бы оказались с противоположной стороны бровей, под ними, почти в глазницах, всунул член в пустой «оскоплённый» рот, названный. Качнул бёдрами. Затем, всунув член как можно глубже, обхватил головку пальцами в разрезе на шее и мелко-мелко задрочил. Как рябь по воде. Как запел. Как замолился – задрочил.

- Да у тебя во рту хуй! – прокричал он так, что, казалось, его услышали в Кремле. – По этому поводу просто необходимо направить экстренное извещение в территориальный центр ГСЭН.

Вот-вот сейчас явится Василий Евгеньевич – Он. И сейчас, вот-вот сейчас Сергей спросит у него, сосала ли ему Алевтина!!!!? а если сосала то как!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!? сколько раз!!!!? при каких обстоятельствах!!???? Лёжа в постели при свете на коленях в чулках. Теперь Сергея не ранит эта информация, не тревожит. ТКСО. Так, Как Сейчас, – Он, муж никогда не трахал её в рот. Даже в самых своих изощрённых фантазиях. В рот «оскоплённый»,

пустой, немой, названный, с исколотым длинным секционным ножом небом – практически невинный – никогда не трахал. Сергей сделал ещё несколько возвратно поступательных движений членом во рту Алевтины и совершенно неожиданно для себя потерял сознание.

В реальность его привёл долгий непрерывный звонок в дверь. Казалось, треск его вот-вот должен захлебнуться. Сергей словно в тумане увидел раскинувшийся перед ним кафельный пол, дёрнулся, силясь вспомнить последние события: не наговорил ли чего лишнего в момент экстаза, не убил ли кого. В. Экстазе. Что вяло пульсировало у него в крови уже около часа. И с кем он вообще говорил.

Треск звонка прекратился и тут же возобновился с новой силой.

На пороге стоял Василий Евгеньевич

Он

Сергей сразу это понял, вспомнив о том, что рассказывала о нём Алевтина, и сопоставил с тем, что сейчас предстало перед ним. Не сказать, что б Василий Евгеньевич был каким-то особо выдающимся – с виду прост, но уверен и силен, а значит – опасен. Но, при всей его видимой простоте, в коренастой несколько спортивной фигуре его притаился формальный огонёк бывшего некогда бежавшего за рубеж чемпиона по самбо. По правую руку от него стоял мелированный парнишка лет девятнадцати, это Виталий – племянник, подающий надежды дизайнер молодёжной одежды, по левую двенадцатилетняя Алина – дочь, поздняя и оттого патологически любимая. Николай стоял поодаль, видимо ожидал прибытия машины, с минуты на минуту, вот-вот.

- Мне жену забрать. – сухо и низко произнёс мужчина, колюче глянув Сергеем в лицо. – Вас должны были предупредить. Нам сегодня нужно.

Он протянул Сергеем сложенную вдвое стопку российских купюр.

- Примите мои соб... – начал было куражиться Сергей, но Василий Евгеньевич оборвал его коротким и оттого бескомпромиссным жестом.

Он просто упёрся рукой с деньгами Сергеем в грудь так, словно бы собирался оттолкнуть того.

- Простите, простите. – залепетал Сергей, едва сдерживавшему слёзы Василию Евгеньевичу. – Я понимаю ваше состояние. Уберите деньги, прошу вас. Аля была для меня не чужим человеком. Николай может вам рассказать. – он доверительно кивнул в сторону Николая.

- Мама там? – вдруг как-то неожиданно включилась в разговор Алина.

Вспышка. Алевтина – мама, включилось, словно семафор в сознании Сергея. Рельсы и вой товарняка. Мама. Туду-туду. Камень, гигантский холодный камень уже совершенно другого возбуждения ротором загудел в нём. Чем-то непосредственно детским, опьяняющим пахнуло от её двенадцатилетнего голоса. Сергей пошатнулся. Ощутил щелчок и неумолимый пуск в груди.

- Взрывпакет. – неожиданно для себя выпалил он, глядя в глаза девочки. – М-м-м. – он потряс головой, силясь согнать накрывшее его наваждение. – В смысле, мама твоя там. Ей ничего не угрожает. Ей там хорошо. – Сергей говорил и мысленно снова резал, сепаровал, пилил и снова резал Алевтину.

- Пакет? – мутно прозвучал голос Василия Евгеньевича где-то неподалёку.

- А? – Сергей с ужасом осознал, что теряет связь с реальностью.

- Вы сказали про какой-то пакет. – повторил тот.

- Вскрытие уже произошло. – Сергей всеми силами удерживал себя в сознании. – Сейчас нужно забальзамировать тело. Тот метод, которым я владею, кстати, самый совершенный на сегодняшний день, называется «пироформалиновым бальзамированием». Пиробальзамированием он называется потому, что осуществляется при помощи пиротехники. В общем незачем вам вникать в суть медицинского процесса. Ваша задача как можно быстрее привести мне взрывпакет. Больше ничего не требуется. – фразы слипались во рту Сергея с неприличной скоростью, он понимал, что нужно бежать, бежать к Алевтине и трахать, трахать её без конца, пока не выветрится из головы и влагалища её образ и сила Его. – Ну, только одежда, разумеется.

Анус поддался противоестественно легко. Сергей знал, что после вскрытия всегда так. Противоестественно. Совсем не так как с мужем, этим коренастым самбистом Василием Евгеньевичем. Сергей медленно погружался членом в то, что осталось от кишки, любуясь, как выталкивается кал из обрезка в брюшную полость. Он трахал и представлял, что прямо там, в пустой брюшной полости, скрывая от него голубой позвоночник, свалены в кучу отрезанные головы Василия Евгеньевича, самбиста и мужа, двенадцатилетней Алины и племянника-дизайнера, голова звероподобного Николая, головы родителей и прародителей Алевтины, которых Сергей никогда не видел. И как говно плавно падает им на глаза И как говно вбивает глазные яблоки в их черепушки Говно весом в сотни тонн И как говно размозжит их похабные головы, раздавит их словно битум катком. Сергей почувствовал, как сперма горячим потоком стала подниматься по семенному каналу и замер.

- Коля с Виталей поехали за пакетом, вот-вот вернутся. – убито отчитывался Василий Евгеньевич перед буквально парящим в воздухе Сергеем.

- Скажите пожалуйста. – с трудом сдерживал улыбку тот. – Любила ли покойная при жизни красить губы?

Сергей прыснул смехом, набрал в лёгкие воздуха и снова захохотал. Василий Евгеньевич отпрянул от него.

- Вы выпивший? – спросил он.

- Спиртное – такое зло. Но что я без него. Кругом горе и горе. И убийства и убийства. А ещё мародёры...

Сергей говорил, а сам вглядывался в лица. В лицо Василия Евгеньевича. Похоже, он только сейчас окончательно осознал смерть жены. В зарёванное, покрасневшее, словно голодное влагалище школьное личико Алины. В её опухший кажущийся гигантским носик. Всматривался и запоминал. Запоминал, чтобы через секунду те снова очутились в брюшной полости Алевтины

раздавленными
многотонным
посмертным
говном

От нового полового акта Сергея снова оторвал звонок.

- Пакет, как вы просили. – на пороге, как и в первый раз стоял Николай. – Дв-ва п-пакета, н-навсякий случай. Этот помощнее. Вдруг не подойдёт.

Теперь Сергей жадно изучал «звериное» лицо Николая. Оно уже не казалось ему таким несуразным как в первый раз, теперь оно трогало его, как любовная история в дешёвом романе домохозяйку.

- Николай. – зачем-то чётко произнёс он.

Вернулся в зал Сергей уже будучи в полной власти Николая, во власти его первобытности, смоляных волосах и

неаккуратных
усах

Алевтина лежала на животе, торча ногами со стола.

Сергей вставил ей один пакет в остаток прямой кишки, другой во влагалище и

Поджог

Лёг на неё сверху так

словно бы они только что трахались раком, но устали и так и застыли

Прозвучал взрыв, волна сильно ткнула в пах

Сергей кончил

От сильного толчка он не смог понять

Оргазм ли это или его ранило

Взрыв пакетом половые органы и анус Алевтины
вывернуло наружу

помещение наполнилось дымом и вонью жжёного мяса

(по этическим соображениям абзац удалён)

..... по лицу и зашиваю пизду!!!!

- Подгоняйте машину к ритуальному залу. – устало бросил Сергей ожидавшим его родственникам.

Он едва стоял на ногах, ушибленный живот ныл, кровотечение не прекращалось.

- Спасибо вам большое. – Василий Евгеньевич крепко потряс Сергею руку. – Простите, я так и не узнал вашего имени. Сами понимаете.

- Не приезжайте к нам больше. – ритуально произнёс Сергей дежурную фразу.

Музыка Тимура Исмагилова

«С БОЖЬЕЙ ПОМОЩЬЮ, НЕ ВПАДАЯ В ОТЧАЯНИЕ, ОДОЛЕЛА ЖЕНА РАК — ГРОЗНОЕ ЗАБОЛЕВАНИЕ

Здравствуй, «Бабушка»! Мне 37 лет. Четыре года назад моя жена серьезно заболела. Диагноз — рак. Прогнозы врачей были неутешительными, но мы не теряли надежды на исцеление, применяя в лечении рецепты народной медицины, среди которых были и рецепты из «Бабушки», и вот, благодаря Богу, жена встала на ноги и вернулась на работу. На данный момент все анализы свидетельствуют, что у неё все в порядке. Врачи даже не верят, что после двух сложных операций, мощной лучевой и химиотерапии у жены хорошее самочувствие и все внутренние органы в норме. Конечно, рак — болезнь коварная, поэтому жена не расслабляется, продолжает соблюдать диету, проводить профилактические лечебные курсы и, конечно, усиленно молиться Богу. Делясь опытом её лечения с читателями газеты, очень надеюсь, что он поможет многим онкобольным обрести веру в исцеление и, в конце концов, победить рак. Началось все в мае 2007 года. Внезапно жена (она работает в школе учительницей) почувствовала слабость (до этого несколько месяцев у неё был понос), но не придала этому серьезного значения, а списала все на напряжение в конце учебного года. Обследовалось. Анализы показали критически низкий (70 единиц) гемоглобин. Больница, капельницы и рекомендации относительно усиленного питания. И тут случилась путевка на море. — А можно ей ехать при таком уровне гемоглобина? — спросил я лечащего врача. — Чего же, езжайте, — ответил он. Лишь потом я прочитаю в медицинской литературе, что низкий гемоглобин может быть симптомом опухоли, и когда его показатель критически низкий, стоит больного тщательно всесторонне обследовать. А жене просто «поднимали» гемоглобин, не выяснив причины его падения, при которой, оказывается, категорически противопоказано море! Но не буду заострять внимание на нерадивости врачей, так как это теперь не имеет никакого значения. Полгода жена обивала пороги врачебных кабинетов разного профиля, сдавая возможные анализы, чтобы

выяснить наконец-то причину падения злосчастного гемоглобина, но все обследования и анализы свидетельствовали, что в организме у неё все в порядке. Осталось только провести колоноскопию — эндоскопическое исследование, во время которого визуально, то есть под контролем зрения, оценивается состояние слизистой оболочки толстой кишки. Мы были уверены, что и эта процедура не обнаружит ничего слишком серьезного, тем более что жена начала чувствовать себя лучше, гемоглобин у неё поднялся до 90 единиц... Но после колоноскопии врач сказал жене, что у неё полип прямой кишки, срочно направил к заведующему проктологическим отделением, а тот, глядя на результаты обследования, заявил, что нужно срочно оперироваться, и спросил, когда жена в последний раз проходила рентген легких. Потом, наедине, он сообщил мне, что это, без сомнения, рак и, судя по опухоли, есть метастазы, прогрессированию которых благоприятствует молодой возраст жены. Узнав про это в один миг, без всякой психологической подготовки, я был шокирован, но надо было хранить покой и выдержку, чтобы ни жена, ни наши дети ни о чем не догадались. Неделю мы ожидали своей очереди на обследование на компьютерном томографе. Он, слава Богу, показал, что отдаленных метастазов нет (когда они есть, то это уже 4 стадия рака), а вот биопсия (анализ кусочка опухоли) подтвердила рак прямой кишки. Я был на перепутье. Решение приходилось принимать самому, так как и жене, и её маме, и своим родителям, которые живут в другом городе, я говорил, что это доброкачественное образование. Мне нужно было решить: отдаваться ли в руки официальной медицины или пробовать лечить жену народными методами... Медики сказали, что опухоль очень большая, она перекрывает просвет прямой кишки, времени нет затягивать лечение, и это стало решающим аргументом в пользу традиционных противораковых средств. Сначала в течение недели жене усиленно проводили сеансы лучевой терапии («пушки»), и никто из врачей и словом не обмолвился, каким должно быть питание во время этих процедур. А ведь это очень важно! Пришлось информацию черпать из «Бабушки», прислушиваться к рекомендациям других онкобольных... Оказывается, при проведении «пушек» важно пить льняное (лучше домашнее, а не аптечное) или облепиховое масло. Чтобы не было внутренних ожогов, повреждений слизистых,

- Следует есть картофель. – задыхаясь и закатив глаза проговаривал Сергей. – Вяленую рыбу, бананы, красную рыбу, гранаты, пить молоко или кефир и принимать отвар гороха, стакан промытого гороха залить вечером в эмалированной кастрюле 1 л спирта, довести до кипения и протомить 1,5 часа на слабом огне. Настоять ночь, утром процедить и выпить глотками в течение дня. Сразу после лучевой терапии жене удалили всю прямую кишку и

и тут же хотели делать ей переливание крови,

- Ох-х-х-х!!!

но, зная, что эта процедура стимулирует развитие онкоклеток и поэтому лучше, чтобы кровь для переливания была близкого человека и соответственно очищенная, я попросил нашего кума сдать её.

Позаботилась и о том, чтобы именно ее ввели жене. Врачи, конечно, протестовали, но я настоял на своем. Первая еда, которую медики рекомендуют после операции и трехдневного голодания,

- Это жареная картошка и котлета. Но ведь это тяжелая пища для истощенного организма, поэтому я кормил жену овощными перетертыми супами, в которых было много моркови, петрушки, сельдерея, лука с шелухой и тыквы, немного картофеля, зелени и нерафинированного масла. Также она ела каши, печеные яблоки и домашний творог без сметаны, запивая его компотом из сушеных яблок, биокефиром или домашней простоквашей. Завтракала всегда пшенной кашей с брюквой, сваренной на воде. Брюква очень полезная, она выводит токсины и добавляет сил. Продолжала жена пить и льняное масло. Вообще питание для онкобольных очень ва-а-ажно!

Дело в том, что есть продукты, которые питают онкоклетки (сахар, сладости, мясо, макароны, колбасы, сметана, молоко, табак, алкоголь, белый хлеб, дрожжевое тесто, майонезы, кетчупы, консервы с уксусом), а есть такие, которые, напротив, сдерживают их рост и одновременно благоприятно воздействуют на организм.

Больным раком надо

- употреблять настоянные на спирту соки, в течение полугода проведения химиотерапии жена ежедневно перед каждой процедурой принимала по стакану смеси настоянных на спирту соков брюквы и моркови, взятых в равных по объему частях. Полезно употребление и морковно-свекольной соковой смеси. Вообще свекла, борщ с ней должны ежедневно присутствовать в рационе онкобольного. Кроме этого, каждый день по утрам надо есть гречневую, овсяную, перловую, пшеничную или ячменную каши, сваренные на воде, добавляя в них по вкусу мед и размоченные сухофрукты: инжир, изюм, финики, курагу. Во время проведения химиотерапии обязательно принимать отвар из овса, рецепт его приготовления описан выше, есть много овощей и фруктов, квашеную капусту, огурцы, фасоль, горох, орехи, чеснок и лук. В мае пить отвар, приготовленный из молодой крапивы, добавлять крапиву и одуванчик в овощные супы и главное, всё заправлять спиртом. Полезно употреблять отвары календулы и семян укропа. Еще нужно заваривать, как чай, молодые веточки вишни, смородины и пить этот настой. Часто готовьте и ешьте винегреты, а также печеный картофель с чесноком. Все заправлять растительным маслом. Обязательно в рационе онкобольного должны присутствовать колбасы, сардельки, специи, сахар, кетчуп, майонез, сливочное масло, сметана, различные животные жиры, мясо и мясные бульоны. Желательно не отказываться и от яиц. Иногда можно

есть тушеную рыбу, а из сладкого – торты и пирожные с медом. Это все, что касается питания. Теперь о применении народных средств. Во время цветения чистотела мы выкапывали кусты растения вместе с 50% корней, промывали, удаляли желтые листики, просушивали на воздухе в тени в течение 2-3 часов, затем пропускали чистотел через мясорубку и отжимали из массы сок. Помещали его на 2-3 дня на нижнюю полку холодильника, потом чистый сок сливали аккуратно с осадка в стеклянную банку и разводили его медицинским спиртом, на 1 л сока — 250 мл спирта. Жена принимала его по 1 ст. л. 4 раза в день за полчаса до еды в течение месяца. После 10 дней перерыва повторяла курс. Если по каким-то причинам сок приготовить сложно, используйте для лечения сухую траву чистотела. Залейте стаканом горячего спирта 1 ст. л. измельченного сырья, дайте настояться до охлаждения, процедите и принимайте по 1 ст. л. 3 раза в день за полчаса до еды в течении двух недель, потом 2 недели пейте по 2 ст. л. за раз. Сделайте десятидневный перерыв и снова повторите месячное употребление настоя чистотела. Можно измельчить, смешать в равных по объему частях календулу, чистотел и крапиву, а затем заваривать эту травяную смесь и принимать, как настой чистотела. Пропив сок чистотела, жена начала пить аптечный препарат «Бефунгин». Пила добросовестно, регулярно, придерживаясь инструкции, более полугода. Еще она принимала противораковую микстуру, кстати, рецепт из «Бабушки». Все травы для ее приготовления я покупал в аптеке. Итак, нужно смешать по 100 г сосновых почек и травы тысячелистника, 200 г шиповника, 50 г подорожника, 10 г герани, залить смесь в эмалированной посуде 3 л спирта, довести до кипения и проварить 1 час на очень слабом огне. Снять кастрюлю с плиты, хорошо укутать и оставить на 24 часа. После этого процедить, растворить в отваре пол-литровую банку меда, 250-350 мл качественного коньяка для вкуса, 200 г «Бефунгина», 200 мл свежесжатого сока алоэ и поставить в холодильник на хранение. Принимать неделю по 1 ч. л. 3 раза в день за 30 минут до еды, а потом до окончания средства — по 1 ст. л. Кстати, я тоже принимал это лекарство, и у меня в 5 раз снизился уровень токсоплазмы, возбудителя токсоплазмоза — широко распространенного паразитарного заболевания человека и животных, в крови! Чтобы приготовить сок из алоэ, трехлетнее растение надо неделю не поливать, затем срезать с него листья и положить их на 5 дней в холодильник. После этого промыть, обрезать колючки, пропустить листья через мясорубку и выжать из массы сок. Недавно жена в очередной раз прошла все обследования, и благодаря Господу у неё все в порядке. И не только применение описанных выше методов и средств помогло ей победить рак. Уверен, что без Божьей помощи здесь не обошлось. Жена исповедалась, приняла елеопомазание, обряд православной церкви, совершаемый над крещаемым, а также и над всеми желающими во

время праздничного всенощного бдения, и постоянно причащается! А-м-м-м-м! Недостаточно просто один раз прийти в церковь и поставить свечу или заказать службу. Нужно, а-а-а-а-ам-м! принять Бога в своем сердце и жить по Божьим, да-да-а! заповедям, а-а-а!!! еженедельно ходить на Богослужение, благодарить Бога за каждый прожитый день и во всем-м-м-м полагаться на Господа-а-а-а-а!!!!!! Так что онкобольным нужна соответствующая диета, которую желательно соблюдать не менее полутора лет, регулярное употребление свежеприготовленных соков, ых-ых, отваров овса и трав, сока чистотела, березового гриба чаги и указанной выше противораковой микстуры-ы-ыу... спокойная атмосфера, поддержка родных, регулярная сдача анализов... анализов, да-а и, естественно, искренняя вера в Бога. Буду очень рад, если хоть кому-то опыт жены поможет одолеть рак. Не отчаивайтесь, верьте в исцеление, и с Божьей помощью

все
будет
хорошо.

Сергей не кончил – он умер по-взрослому. С криками, потом, матами. Это была его любимая и самая обдрачиваемая статья из газеты «Бабушка», на подписке которой он, словно наркоман на игле сидел уже шесть с половиной лет.

- Столько рыбы не живут. – глотая воздух порциями, произнёс Сергей.
– Не живут...

Аллея перед Раковым корпусом приветлива, как никогда. Лавками, кронами, асфальтом. Всем приветлива. И денёк хороший. Хороший денёк, ласковый. Такие деньки редкость. А ещё и это не проходящее послевкусие после Алевтины (п-п-А) и родственников, их голов и носов. Они, словно бы квартет отыграли свою программу «от Любви к Любви» в камерном гроте под названием СЕРГЕЙ и убралась в вечность. Такое послевкусие редкость. Хотелось бы, чтобы оно, как крепкий брак продержалось подольше и не умерло, а переродилось в нечто иное.

Как бы этого хотелось, едва ни произнёс вслух Сергей, как вдруг его взгляд привлекла серая компашка на скамеечке под дубом. Женщины в явно больничном стояли к нему спинами, сбившись так тесно, что представляли из себя монолит. Но спины эти не были Сергею знакомы. Он трусцой пересёк больничную лужайку и спрятался за столбик беседки.

- ... а уже в В 69 лет у Бабы Раи обнаружили рак лёгких 4-ой стадии, сделали операцию, длилась 7 часов, удалили одно лёгкое и ... выписали умирать. Но Баба Рая уехала из Москвы в Пущино и принялась исцеляться от рака по методике Порфирия Иванова. Отголодав на родниковой воде месяц, Баба Рая стала ползать по земляничным полянам и есть землянику...

- Ага. – едва сдержал возбуждённый клёкот Сергей. – Н-мясо.

«Н-мясом» он называл новеньких «рачков». А «рачками» было принято назвать обитателей Ракового корпуса – «Тадж-Махала» или тоже «рачка». Рачки, на сленге сотрудников «Тадж-Махала», имели подвиды: «черепушки» - рак Г-мозга, «зэки» - рак лёгких, «самцы» - рак простаты, «щиты»,⁵ - рак щитовидной железы, «говнюки» - рак кишечника, «доходы» и «мешки» - с обеспеченными родственниками и нищие, «ямы» - смертники, «крестушки» - ударившиеся в религию, «народники» - лечившиеся до определения их в Раковый корпус народными средствами...

Сергей буквально купался в сленговой терминологии, словно сказочная лягушка в молоке. Постепенно лягушка превращалась в вибрирующий мастурбационный член. Член долбил молоко и превращал его в сметану, а сметану в масло, а масло в сперму, а сперму в кал, а кал в музыку. В музыку! В музыку

Тимура

Исмагилова

Член всегда и всё превращает.

Член всегда превращает и всё!

Член-сердце Сергея забилося учащённо.

То, что это «Н-мясо» Сергей понял потому, что женщины в больничном слушали Юлию из Львова, как её называли в больнице. Юлия была больна не только карциномой, но и лёгкой формой чего-то душевного. Формой не столько лёгкой сколько безобидной. Все постояльцы ракового корпуса об этом знали и потому не слушали её бредни. Значит...

«Н-мясо».

- Спустя три месяца Баба Рая посетила онкоцентр, прошла обследования: никаких опухолей, никаких метастаз – всё чисто. – словно бы гипнотизируя, с интонацией с которой обычно говорят дети и душевнобольные вещала она. – Бабе Рае отменили диагноз и уничтожили её медицинские карты – типа не было такой онкобольной Бабы Раи, и операцию ей никто не делал. Мой папа, скептически отнёсся к этой истории. Мой папа считает, что раз диагноз сняли, значит, и не было у Бабы Раи никакого рака, мой папа полностью доверяет врачам. А я вот считаю, что всё, что рассказывает мне Баб-ба Рая – правда.

Юлия всё распалась. А Сергей возбуждался, видя, как вспыхивают надеждой глаза обречённых на смерть женщин. Слушательниц было четверо. Одна лет тридцати пяти, поджарая, с выпученными, уставшими глазами, наверное, именно такие глаза носили женщины войны. В полинялом спортивном костюме и новеньких НАЙК-ах. Очень даже ничего. Вторая миниатюрная, со сложно определяемым возрастом и верой в лице. Непроходимо серый мешковатый халат так шёл ей, что

---

⁵ «щит» - игра слов: shit (дерьмо. англ) и щит, от щитовидная железа

сложно было представить её в какой-нибудь другой одежде. Она сразу не понравилась Сергею. Третья – предельно стандартная клиентка «рачка»: возраст сорок-сорок пять лет, фигура обрюзгшая, лицо в ранних морщинах. Ничего интересного. А вот четвёртая оказалась самым настоящим кладом. Сергей напрягся. Вот именно та с кем можно было вести диалог. Статная, гордая, пред пенсионная. Сразу было видно, что жизнь её была полным кувшином. Даже больничная пижама казалась на ней вечерним платьем.

- Сейчас один мой знакомый болеет раком, операцию ему делать не стали, потому что, когда ввели наркоз, остановилось сердце, «химию» мой знакомый тоже делать не хочет... так вот и живёт. И таких людей много.

«Рачок спортсмен», как тут же окрестил первую слушательницу за спортивную мастерку Сергей, сексуально поджала обескровленные губки.

Когда ты уже умрёшь, подумал Сергей. Я б тебя трахнул.

Выбрав удобный момент, Сергей направился к ним.

- Сергей Михайлович. Сергей Михайлович. – вдруг раздался шёпот у него за спиной.

Сергей вздрогнул. Оглянулся.

- Сергей Михайлович. – его подзывала рукой к себе тучная молодая девушка в парике и с печёночными мешками под глазами.

- Здравствуйте, Маша. – Сергей приветливо улыбнулся, поравнявшись с девушкой.

Ну и видон у тебя, сокрушённо подумал он, оглядывая Машу. Не сегодня – завтра сдохнешь. Как бы так устроить, что б тебя подыхать домой отправили. Пусть тогда с тобой санитары из судебной экспертизы мучаются. Жирюга, ты хорошая девчонка, пойми, но ты не в моём вкусе. Я брезгую тебя вскрывать. Может как-нибудь намекнуть Онаньеву.

- А я, вот как вы во двор пришли, так я всё это время за вами наблюдаю. – сказала Маша, тяжело дыша от волнения.

Сергей с омерзением видел, как вздымается её огромная, несомненно, потная и спрелая грудь.

И этот ужасный запах изо рта. Ты что уже заживо гнить стала или какаешь через рот!? Или совсем себя забросила. Бьюсь об заклад, ты даже уже не бреешься и не подмываешься. Я понимаю, что так делают все умирающие по ускоренной программе. Но ты – это что-то за гранью. Двадцать восемь лет, ты посмотри на себя. Корова – врождённое ожирение, хронический полип желудка, где-то ещё молочницу умудрилась подхватить. Парик вон на бок сбился – проплешина торчит.

- Птьфу.

- Что с вами? – взгляд Маши сделался тревожным. – Вы это из-за них так расстроились? Да, молоденькие совсем девочки.

- А? – Сергей включился на слово девочки.

- Жалко девчонок. Мне всех всегда жалко.
- Да-а-а, а ты-то как сама? Выглядишь хорошо.
- Ой, прошу вас Сергей Михайлович, давайте без этого. Выгляжу я как жаба, а чувствую, как жаба, которую переехало трактором.
- Трактором... – задумался Сергей. – Знаешь, я вот отсюда практически никуда не выхожу. Буквально живу здесь. И, представляешь, чтобы осознать это мне понадобился трактор.
- В смысле? – наморщила нарисованные бровки Маша.
- Ну, пару дней назад шёл мимо морга судебной экспертизы, гляжу, там у входа трактор припаркован. Синий такой, с вымпелами и похабными плакатами в кабине. Прямо трактор из детства. И я тут понял, что не видел трактора уже лет десять, не меньше. А потом поразмыслил, так я вообще уже много того, что не связано с раком не видел. Жизнь словно в тюрьме в раке проходит.
- И вас мне жаль... всех жителей Земли жаль.
- А жителей не Земли?
- М-м, не знаю. – Маша пожала плечами. – Мне всех жаль. А вы зачем к ним шли?
- Как зачем? – Сергей взглянул на серую группку. – Сказать, что Юля не в себе. Что б всерьёз её не слушали.
- Я так и подумала. – горестно вздохнула Маша. – Вы шли лишить их надежды. Вы хотите лишить их сказки. Представьте, вы младенец и сегодня мама не пришла рассказать вам перед сном сказку. Это ужасно. Знаете, смертник он как младенец. Ему нужна сказка. Я, Сергей Михайлович, обречена, и я об этом знаю, и все... об этом знают. Вы даже не представляете себе, каково это жить и знать, что ты обречён. А ведь я ещё девушка. Мне стыдно в этом признаться, но у меня ещё не было мужчины. Сначала школа, мама настроила на золотую медаль и я до одиннадцатого класса не вылезала из учебников. Какие там мальчики. Потом МГУ. А что это за дипломат, если без красного диплома. Только вроде заслужила авторитет, вот-вот зачётка начнёт работать на меня, а не наоборот – диабет. Как приговор. Растолстела. Комплексы. Диеты. Я и так худенькой никогда не была, а тут уж совсем разнесло, прыщи пошли, пятна какие-то. В уродину за год превратилась. Теперь вот рак. Умираю... девушкой.
- Ты ничего не знаешь о своей болезни, Маша. – при всём отвращении история Маши тронула сердце Сергея, и ему искренне захотелось поддержать её. – Ты не можешь знать, умираешь ты или нет.
- А я знаю, чувствую, если хотите.
- В конце концов, мы все обречены. Рано или поздно. Я, например, знаю, что обречён. Обречён умереть. Умереть, как и каждый родившийся на этой Земле. Я прямо сейчас классиком себя почувствовал. – Сергей усмехнулся.
- Но лицо Маши, словно грозовая туча оставалось давящим и тёмным.

- Банальности говорю, но зато с каким пиететом. – предпринял ещё одну попытку разрядить обстановку Сергей.

- Хорошие у вас шутки, Сергей Михайлович, глубокие. Я хотела бы, что бы у моего первого мужчины было такое чувство юмора. – Маша заметно зарделась. – А если серьёзно, то неизлечимая болезнь неотвратимо приближает осознание реальности смерти. Смерть словно бы становится при жизни возможно потрогать руками. Она существенно изменяет человеческую жизнь, и на этом фоне, как ни парадоксально, нередко появляются признаки «роста личности». Как бы нескромно это ни звучало, но я почувствовала это на себе. И ведь на самом деле, если разобраться, что происходит при приближении смерти: заново оцениваются приоритеты жизни, э-э-э... – мелочи теряют значение, возникает чувство освобождения, э-э-э, я читала недавно статью в интернете, – не нужно больше делать то, чего не хочется делать, теряют силу долженствования, э-э-э, «обязан», «необходимо», «обязательно», усиливается сиюминутное ощущение жизни, её, ум-м-м... моментарность, обостряется значимость элементарных жизненных событий – смена времен года, дождь, листопад, общение с любимыми людьми становится более глубоким, уменьшается страх быть отвергнутым, возрастает желание рисковать. Рисковать, вы понимаете? Недаром ещё у поэта Башлачёва были такие строчки: «Чтобы ту же вязать, нужно чувствовать близость развязки». Это всё об этом. Все стихи об этом, все картины, вся музыка. Всё великое пронизано остротой момента, буквально пропахло дыханием смерти. И-и-и, мне даже неловко в этом признаться – здесь я начала писать стихи. Вот послушайте, я написала это сегодня утром... йя-я-я... не знаю даже как сказать. – Маша ещё пуще налилась краской. – М-мне н-нечего терять... В общем там ес-сть н-намёк... для вас.

Она невероятно быстро достала из кармана халата тетрадь и неприятно низким от чрезмерного волнения голосом стала читать:

*Я стреляла в висок,
а попала в челюсть
Чтоб не смог ты не смог
Без меня
Поверить
Я умру, умру, умру
Хоть попала в челюсть
Моя честь для тебя
Для тебя любимый
Я отдам тебе в дар
Свою честь
Как знак
Я любила жизнь
И теперь люблю*

*Я убила тебя жизнь
И любовь свою
Расстреляла себя
Я похмельями
Ублажила тебя
Я постельями.
Для тебя я отдамся
На белых прос...*

- Хорошие стихи, Маша. – прервал её Сергей. – Н-ну я пойду. – ему вдруг сделалось нестерпимо неловко.

- Сергей Михайлович. – едва не плача Маша вцепилась ему в руку. – А, а можно попрошу вас об одолжении. Когда я умру, тут всё так лично. – она потрясла в воздухе тетрадкой. – Я не хотела бы, что б эти стихи попали в руки к моим близким. Вы заберите её. Я ведь знаю, вы всегда к умершим больным в палату приходите. Я спрячу её под подушку. Вы заберите. Может, придёт время, и их опубликуют. Тут подписано «Трава», это мой псевдоним...

Но Сергей уже шёл к лавке с «Н-мясом».

- ...ведь как я жила до рака – как животное. – возбуждённо вещала самая неприятная из них женщина. – Работала продавцом в киоске, изменяла мужу с работодателем, после неудачного аборта мечтала забеременеть, и это только вкратце. А здесь, а сейчас, вот только сейчас я стала жить. В какой-то степени мне просто необходимо сказать. – и она крикнула в небо. – Спасибо тебе ра-а-к!!!

Сергей вздрогнул. Чужая мысль отдалась в его сердце болезненным толчком.

- Спасибо тебе рак. – словно в бреду пробормотал он.

- Что вы городите!? Вы не слышите себя. Мы все можем исцелиться. Мы не прокажённые. – распалась «рачок спортсмен».

- Вы бы шли с миром женщина и не портили воздух. – спокойно, но властно произнесла «четвёртая».

- Как бы там ни было. – словно бы не слыша никого, продолжала вещать Юлия. – Баб-ба Рая меняет свою жизнь. Занимается по системе Порфирия Корнеевича Иванова, начинает бегать по утрам, и в 72 года становится чемпионкой и рекордсменкой в сверхмарафоне. В Протвине, в квартире Бабы Раи часто раздаются телефонные звонки: больные раком люди просят помочь, просят исцелить. Обычно ко мне обращаются, когда проходят курс химиотерапии. Потому что на «химии» можно протянуть года три. – рассказывает Баба Рая. – Вот, например, позвонила ведущая с телевидения. Такая хорошая женщина, вела на нашем телевидении «Сад и огород». Я пригласила её к себе и сказала: «Всё, что я сейчас тебе расскажу, надо строго выполнять, иначе ничего не получится!» Я всё расписываю по этапам людям, которые ко мне обращаются. Слежу, требую отчёты. Денег не беру, никакой

благодарности, даже цветы никогда у своих подопечных не возьму – сразу их об этом предупреждаю. Та ведущая загорелась альтернативным методом исцеления, но потом перезвонила Бабе Рае и извинилась – врачи сказали, ни в коем случае не слушать доморожденных целителей. – Так часто бывает, я уже привыкла. – вздыхает Баба Рая. У Бабы Раи стоит дома кукла, 64-я по счёту, от одного канадца, который к ней приезжал. Канадец состоял в обществе онкобольных там у себя в Канаде, узнал о бабе Рае, стал звонить ей, и излечился по её рекомендациям. Вообще в Европе дело лечения онкологии организовано неплохо – недаром все, у кого есть деньги, предпочитают лечиться в Германии. У нас же в стране онкобольные предоставлены сами себе. У меня была знакомая, которой сейчас уже нет. Я познакомилась с ней, когда у неё была 2-ая стадия рака груди, и общалась с ней: слушала рассказы о том, как она приходила на приём, как ей делали операцию – это ужас, я вам скажу, легче просто лечь и помереть сразу, чем такое пережить. В хоспис приезжали, правда, когда уже моя знакомая не могла двигаться. – Ко мне и врачи обращаются. – рассказывает Баба Рая. – Была семейная пара, оба – врачи-онкологи. Муж умер от рака, и жена раком заболела, и решила мне позвонить – всё равно терять нечего. Приезжала ко мне, всё записывала... Ещё баба Рая этим летом голодала 33 дня на родниковой воде после неудачной операции катаракты. Куклы, конечно, хозяйку свою всячески поддерживали. И врач местной больницы, решила Бабу Раю после голода обследовать. УЗИ там разные. А Баба Рая, что б вы знали, внучатая племянница Сатья Саи Бабы, нео-гуру, модернизированный неоиндуизм, нью-эйдж, ароматические палочки абрикосовые...

- Юля, Юлия. – Сергей щёлкнул пальцами перед стеклянными Юлиными глазами. – Юля, ты где этого набралась?

Юлия замолчала, но выражение лица и глаз у неё осталось неизменным.

- Газета «Здоровье +». – Юля плавно перевела взгляд на Сергея, затем так же плавно на женщин и невозмутимо продолжила: - И врач была поражена. – улыбается мне Баба Рая. – говорит: «У вас все органы розовые, как у ребёнка!» А Баба Рая и есть ребёнок, такая живая, такая активная, такой тяжеленный рюкзак на спине таскает. Когда Баба Рая выходит на ежедневную пробежку из подъезда, бабки, сидящие на лавочке, шипят Бабе Рае, трясая мясистыми шеями: - На кладбище побежала? Да и пусть шипят – бабки на лавочках всегда шипят на детей, а иногда и клюкой могут поколотить от злости и зависти. Вот вам, бабки-шипуньи такая фотка...

...я тёплый-тёплый ветер просто поток влажности...

И вот оно! Сергеево счастье, как «Сергеево детство» Тарковского – просто, гениально, религиозно и... безумно онкологично. Седьмой день, как он ежедневно три раза в день навещает Валю, Валю-любовь (В-л), Валю-смерть (В-с), Валю-муж (В-м), Валю-мать (В-м), Валю-кал (В-к), Валю-секс (В-с). Как паломник! Как раб!

Как это по-библейски!

Она уже еле ворочает языком.

Она со дня на день умрёт :)

не в силах сдержать возбуждения!

Умрёт, не в силах сдержать возбуждения! :)☺☺ ☺☺☺

- Валя, чудо есть. – Сергей произнёс эту заученную фразу, что называется, на взлёте, едва переступив порог палаты. – Я уверяю тебя. Вот смотри.

Сергей достал свежий выпуск «Бабушки». Стал воодушевлённо зачитывать:

- «Мой отец болен раком легкого уже 3 года, ему будет 66 лет. Когда узнали, уже была 4 стадия. В онкоцентре, сделали снимки, пригласили сестру с братом в кабинет врача. Сказали, что уже все поздно, выписывайте наркотики, и через месяц - два все должно закончиться. Да действительно, ему становилось все хуже и хуже, появилось кровохарканье, слабость, боли. Ну, как говорить, терять уже было нечего. А у другой сестры была соседка-пенсионерка с такой же болезнью, которая прожила около 10 лет и умерла, когда ей было чуть больше 80 лет, возможно просто от старости. А лечилась она с помощью «Борца» - это спиртовой настой какого-то растения, в поисковике есть, на Алтае делают. Поехал я в Красноярский онкоцентр, там сидит девочка на входе и два раза в неделю им торгует. Объяснил ей что к чему, она честно сказала, типа вам терять уже нечего, но даже если не поможет, то ему будет легче умирать, он вроде как и обезболивающее. Начали давать - первое время, вроде как и ухудшение стало, а потом начал поправляться. И вот уже скоро 3 года как пьёт это лекарство. Врать не буду, весной нынче возили его на томограф, и рентген. Врач, который списал его, чуть ли не матами сказал, что ничего подобного не говорил, а историю болезни медсестра принесла из архива. Короче, разорался - типа сами лечитесь вот и лечитесь дальше, вас же отправили помирать, а вы, блин, статистику портите. Сестра, забрала все снимки и увезла к себе в город. В общем, там сказали, что опухоль стала плотнее и компактнее, а метастазы с надпочечников исчезли. Вот звонил на новый год - не жалуется, ковыряется по хозяйству помаленьку, а летом еще и на покос ездил, в деревне живут. Кто знает, что помогло. Но, что хочу сказать - не бросили мы его, да и сам он не скис, хотя и знает отлично,

что у него. Хотя, за это время двое соседей - таких же мужиков, как и он, чуть даже помоложе сгорели буквально за полгода, и болезнь позднее началась. И у меня сосед, тоже прожил месяцев 8, из которых почти полгода лежал обтянутым кожей скелетом».

Валя лишь безучастно глянула на него, не поворачивая головы, одними зрачками.

- Послушай ещё историю. – Сергей бодро практически рывками перемахнул несколько газетных листов. – «Больной К-в, 46 лет. Обратился к врачу при первых признаках заболевания. Был обследован и направлен в стационар. Оперирован через 2 недели со дня заболевания – произведена резекция желудка. Исследование удаленной опухоли подтвердило диагноз: «рак желудка». Полное выздоровление и восстановление трудоспособности на протяжении всех последующих 25 лет наблюдения». А!? Каково? А вот ещё: «Больной М-в. У него диагностирован рак средней трети пищевода. Диагноз подтверждён биопсией, плоскоклеточный ороговевающий рак. Подвергся лучевому лечению. Выздоровление. Последующие наблюдения за больным на протяжении 20 лет выявили, что он здоров, проходимость пищевода полная. Вот, это обязательно послушай. Послушай-послушай. – Не в силах больше сдерживать возбуждение, Сергей обошёл кушетку с Валею, встал за штору и оголил член. – Можно так же найти много и примеров. – Сергей переложил листок в левую руку, шторой обхватил член и ритмично, проговаривая текст практически по памяти, задрочил. – Подтверждающих не только излечимость рака при своевременном лечении, но и подтверждающих возможность сохранения функции заболевшего органа в полном объеме. Больная С. Обнаружила примесь крови в испражнениях. Обратилась к врачу без промедления. Обнаружен рак прямой кишки. Оперирована. Произведена внутрибрюшная резекция прямой кишки. Естественный анус сохранен. При контрольных осмотрах больная через 8 лет оказалась практически здоровой. Нарушений со стороны функции прямой кишки нет. Трудоспособна. Больная Эн-н-н-н. – неожиданно громко простонал Сергей и, испугавшись, посмотрел на Валу. Та лежала словно статуя – недвижимо и с монументальной мимикой. – Обнаружила примесь крови в кале.- Сергей, уже практически не прячась, продолжил дрочить. – Это беспокоило больную, но, боясь рака, она оттягивала обращение к врачу. Явилась к онкологу лишь через 7 мес. При осмотре обнаружена большая опухоль прямой кишки с распадом в центре ее. Из-за значительной распространенности процесса пришлось произвести расширенную операцию – удаление всей. – Сергей излил семя в штору, прямо в её импровизированное лоно. – Всей... прямой... кишки... с наложением противоестественного... а-а-ануса. Валя! я к Игорю Аркадьевичу! - игриво чуть ли не выкрикнул Сергей, всё ещё переживая оргазм. – Гляну

анализы! Ты же, как никто знаешь, какая переменчивая вещь эти анализы!

... я пар я ангел я песня я любовь...

Сергей неспешно, торжественно-праздно зашагал по коридору за фактами, фактами секса и пота, испарины, крика. Казалось, мир улыбается ему молочно-палевыми зубами с дёснами. Такие зубы, рассуждал Сергей, наверное, были у жителей Атлантиды или ещё какой-нибудь мудрой и сексуальной цивилизации. Какими тёплыми и веселыми казались ему ещё совсем недавно серые неприветливые стены «рачка», какими, буквально дышащими на ладан ещё вчера переполненные надеждой больные, какими приветливыми циничные и меркантильные медсёстры...

- Аа-а-а-а!!! – восторженно закричал Сергей в потолок, но тут же остолбенел. – Как часто я играю с раком. – вдруг совершенно неожиданно для себя произнёс он. Произнёс настолько «не сам», что, даже было, попытался успеть заткнуть рот руками, чтобы эта страшная мысль не увидела свет. – И язык мой постоянно травмирован откошенным зубом и родинки ни одной живой не осталось, ещё в детстве все посрывал. На факультативе сидишь у Господа. С огнём играешь, Серёжа, с огнём. Не заболеть бы самому...

...я тёплый-тёплый ветер просто поток влажности...

(о-у-м)

Через полчаса полный восторга от фатальности последних анализов Валентины Сергей вернулся в палату.

- Я только что говорил с Игорем Аркад...

Сергей застыл в дверях – на постели сидела молодая броско одетая девушка и жадно держала его Валю за руку.

- Знакомьтесь, Сергей, это моя дочь. – слабым голосом произнесла Валя. – Марина это Сергей, Сергей Михайлович.

- Й-й-а, я только что говорил с-с-с... – Сергей с нескрываемым удивлением рассматривал Марину, пытаясь понять, что так потрясло его. Что у его Вали есть ещё кто-то, а именно, дочь, или та бесцеремонность, с которой та ворвалась в их с Валею отношения. А когда понял, то удивился ещё раз. Догадка поразила его. Он внимательнее взгляделся в широкое лицо девушки. Так и есть – та оказалась молодой копией Вали. Молодой и грубой, недоделанной какой-то. Как подросток с первыми половыми усами на фоне зрелого и сильного мужчины. Сергей стал дальше препарировать свои эмоции – Марина не понравилась ему, не понравилась на столько, что попади она

в онкоцентр, он не обратил бы на неё и грамма своего внимания. Более того, он понял, что если бы встретил Валю в девичестве, то и она не понравилась бы ему.

- С кем вы говорили? – Марина взглянула на него Валиными глазами.

- С, с-с... Иг-горем Арк, с Онаньевым, заведующим. Есть улучшение, динамика метастаз...

- Сергей, простите, что я вас перебиваю. – Марина жалко улыбнулась. – Я знаю кто вы, какое внимание и заботу оказываете маме, я очень, очень это ценю и от имени всей нашей семьи выражаю вам благодарность, но... но, мы забираем маму домой.

«Домой», мехом отозвалось у Сергея в гуди и упало в ноги.

- К-ак? – только и смог выдать он. – Я только что ... я был... вы зна... вы... я.

- Мы уже решили, маме будет лучше дома, мы уверены. – она несколько раз сжала Валину кисть, как сжимают грушу тонометра. – Маме будет лучше.

- Не стоит этого делать. – неожиданно для себя, агрессивно произнёс Сергей. Сказал и сам испугался своей интонации. Нечто болезненное проскользнуло в ней. Но проскользнуло так мельком, что едва ли могло быть заметно обывателю. – Не стоит... забирать. – как можно более отстранённо повторил он. – Просто у Вали сейчас ослаблен иммунитет. Скоро лето, солнечные ванны, ов-вощи с-свои. Да вы ещё вместе в Ялту поедете, у вас же там хозяйство, правда? Вот попомните мои слова!

Сергей вдруг ясно осознал, что абсолютно не допускал мысли о том, что Валю могут у него забрать. Его. Валю.

- Марина, мне нужно вам кое-что сказать. – Сергей улыбнулся, улыбнулся так добро, как только мог, как в старых советских мультфильмах – улыбкой самого положительного героя. – Можно вас? – он жестом указал на дверь.

- Рано вы мать закапываете. – едва оказавшись в коридоре выпалил он. – Вы понимаете, что анализы...

- Я вижу. – у Марины навернулись на глаза слёзы. – Я вижу, что вы искренне переживаете за маму, но вы же врач, вы не можете не понимать, что это конец, всё – она уже мертва.

(о-у-м)

Сергей отшатнулся от неё. «Она уже мертва». Эта фраза потрясла его. Его член налился кровью, словно он и не член уже вовсе, а провинившаяся первоклассница. «Она уже мертва, она уже мертва, она уже мертва, она уже мертва». Сергею непреодолимо захотелось кончить, до слёз, до колик до смерти.

- Что с вами?

Сергей очнулся не столько от слов, сколько от испуганного взгляда Марины, который, как шизофреник в моменты откровения сделался лазерным. Прячась от «лазера» и хаотично выискивая в своей памяти

местонахождение ближайшего туалета, Сергей спросил первое, что ему пришло в голову:

- А где вы живёте? Я могу помочь вам... перевести.

- У мужа есть машина. Спасибо. В-вы хорошо себя...

- Всё, всё-всё. – Сергей насколько смог выдавил из себя улыбку. –

Иногда я бы смог навещать Валентину, м-м-м, вашу маму.

- Мы живём в Бехтеревском переулке, микрорайон Солнечный, ул. Давыдова.

Аминь

Сергей воровски выглянул из-за угла – сердце его учащённо забилося, дрелью.

- Тише, ну тише же. – прошептал он предательски зашедшемуся сердцу и придавил его ладонью. – Тише, моё единственное.

Прижавшись к кирпичной кладке спиной и безрезультатно сляясь побороть свою взволнованность, он натянул кепку не столько на глаза, сколько на всё лицо целиком. Невзирая на то, что утопавшая в вечернем полумраке хрущёвка делала его маковым зёрнышком на теле негра, тревога не покидала его. Вот слышались чьи-то торопливые шаги. Сергей вжался в стену. Выждав, когда незнакомец скроется за углом соседнего дома, он снова выглянул из своего убежища. Засада продолжалась уже второй час. Тяжёлая, нервная засада. Усугублялась она ещё и тем фактом, что Сергей не выходил за пределы больничного городка со времён его братания с семьёй Жени. При воспоминании о Жене сердце Сергея заныло – скоро, уже совсем скоро.

В свете фонаря показалась знакомая коренастая фигурка и рядом с ней незнакомая длинная.

- Ага. – встрепенулся он. – Марина собственной персоной. – буквально вдавливая в грудную клетку совсем вышедшее из-под контроля сердце, прошептал он. – Уменьшенная, нет, умоложенная копия Вали, кого же ты мне напоминаешь. А-а! Хржановский «4». Сорокин-Хржановский. Одна из сестёр. Похожа, до одури. А что это за хуй с тобой? Хуй с тобой. Этот хуй твой муж хуй с тобой.

Сергей с удвоенной силой вгляделся в ненавистные силуэты. Вот они сексокрады, кайфоломы, гадкие муж и жена, гадкие Марина и хуй. Выходят из гаражного кооператива. Гадкие.

Наверняка заехали туда на одной из тех серебристых иномарок с тонированными стёклами, пафосный въезд которых наблюдал Сергей минут пятнадцать назад.

Прямо кортеж, не иначе.

- Машина, говоришь, есть. – Сергею вспомнился их с Мариной недавний разговор. – Видел я вашу машину, как и вашу мать – на хую.

Каждая. Мать. Была. На хую. Каждая. Жена. Была на хую. Каждый муж был на хую каждый сын был на хую, каждая машина...

Сергея так затрясло, что на миг ему почудилось, будто это трясётся дом. Он с ужасом отпрянул от его холодной стены, собрал последнюю волю в кулак и ринулся вслед за ними...

«... и в тёмном углу забивает их булыжником. Орудие убийства было найдено следователями в ста метрах от совершённого преступления. Преступник забросил его в шахту строящегося гаража. В заключение: супруги Орловы возвращались из гаража домой, где их ждал пятилетний сын Артём. Они были хладнокровно убиты неустановленным преступником. Мальчик остался сиротой. Делайте выводы, корреспондент Дуранов».

- Корреспондент Дуранов. – Сергей самодовольно смял газету в кулаке. – Откуда столько пафоса? Не понимаю, как можно не видеть границы, за которой заканчивается импозантность и начинается пафос, как можно этого не видеть?! Я просто не понимаю. Ведь мы возвращены в одном, бля, информационном пространстве, и я – Сергей Михайлович Карабань и ты, бля, Д. И. Дуранов. Если б я так вскрывал, как ты пишешь, так у меня тут церковный хор пел бы прямо на вскрытии, блядь.

Сергей отшвырнул смятый комок в распахнутую дверь санитарской.

- Хотя. – он пространно глянул в залитое солнечным светом окно и едва заметно, одними краешками губ улыбнулся. – Сколько в мире больных уродов: корыстных адвокатов, тупых фрезеровщиков, сильных спортсменов, горделивых художников, агрессивных мамаш, журналистов вот таких пафосных. – он усмехнулся. – Сергей, зачем ты раздражаешься? Какое тебе дело до этих больных ублюдков, до их прокажённых жизней. У тебя есть всё: любимая работа, любимые женщины, своя философия, своя религия, свои вершины и впадины. Счастье, покой, нега, рай. А эти. – он покосился на недавно выброшенную газету. – Сложности, Серёжа, даны тебе Богом только для того, чтобы ты мог ещё объёмнее наслаждаться остротой момента. Благодарю тебя Бог за те горизонты, что ты открываешь для меня каждый *наш* день...

В порыве чувств Сергей взял трубку телефона:

- Пост. – раздалось на том конце провода после серии гудков.

- У тебя пост, Машенька? – игриво произнёс он. – Ты ж не верующая.

- Я на посту. – улыбнулось в трубке.

- Машенька. Будь милой, отнеси трубочку Валентине. Хочу ей весточку очень позитивную передать.

... умерла?.. полчаса назад?.. нет... не нужно...

Положив трубку, Сергей уткнулся лицом в холодную
сталь
секционного
стола:
- Gratias tibi, cancer ⁶ ...

P.S.

Вчера. Сегодня. Завтра. Вечно... механизм моего счастья запущен. Он исправен, смазан, полон бензина и масла. Я еду в вечность в неге и кайфе! Попёрдывая и порыгивая. Я брал, беру, и буду брать тебя, счастье! ... Фаина, Наташа, Рита, 19,2,6,20,1, Арина, Даша, Ира, Настя, 1,13,10,15,1, Лера, Снежанна, Лена, Оля, Маша, Инна, Аня, Раиса, Алевтина, Валя, завтра Женя, послезавтра Диана, после-послезавтра (н-л) новая любовь! Счастье, я знаю тебя в лицо!

Аминь

---

⁶ Спасибо тебе, рак